

Раздел II

ПЕРЕХОДНАЯ ЭКОНОМИКА

Глава 10

Советская экономика

Анализ мировой экономики будет неполным без анализа экономики постсоциалистических стран, испытавших болезненный трансформационный процесс. Их роль в мировой экономике, несомненно, будет нарастать. Главное место среди этих стран занимает Россия. Поэтому чтобы понять современные болезненные экономические и преобразовательные процессы в постсоциалистических государствах, надо прежде всего обратиться к научной характеристике экономики бывшего СССР — страны, давшей жизнь другим странам **реального социализма**.

СССР, образовавшийся на руинах Первой мировой войны, после октябрьского переворота 1917 г., и мировая социалистическая система, созданная на руинах Второй мировой войны в 1945—1949 гг., оказали огромное влияние на развитие мировой экономики и всего человечества. И сегодня, когда уже нет ни СССР, ни мировой социалистической системы, важно определить, какое влияние их наследие оказывает на процессы трансформации и модернизации постсоциалистических стран, на развитие мировой экономики и образ мышления наших современников.

10.1. Общая характеристика

Советская экономика представляет собой величайший *парадокс XX в.* На протяжении ряда десятилетий она демонстрирова-

ла высокие темпы роста, крупные масштабы производственной деятельности и объемов выпускаемой продукции. Советский Союз, занимая второе место в мире, по ряду позиций даже превосходил США. Пожалуй, наивысший успех СССР состоял в достижении паритета с США по военной мощи.

Все эти видимые успехи были добыты огромной ценой, когда ради иллюзии создания самого передового общества на земле или под лозунгом **догнать и перегнать** концентрировались гигантские трудовые, финансовые и материальные ресурсы. Эти ресурсы, как правило, использовались без оглядки на экономическую эффективность. Руководствовались принципом "высшей рентабельности", т. е. политическими или идеологическими соображениями, невзирая на затраты.

Возможно, нечто подобное имело место в древности в странах Востока, отличающихся особыми чертами цивилизации, единовластием диктаторов, тотальным порабощением населения. В XX в. бледным аналогом этому могла служить только фашистская Германия, да и то на сравнительно небольшом временном отрезке и без подчинения всей экономики одному правителю или государству, без уничтожения частной собственности.

Коммунистический эксперимент в нашей стране осуществлялся намного дольше. В его котле оказались не менее трех поколений советских людей. В большинстве своем они гордились результатом своих деяний, величием и мощью страны. Но это не может служить оправданием теперь уже очевидного факта: страна выбрала неверную, абсолютно неэффективную и бесперспективную модель экономики. Трудно сказать, изобрел ли ее Сталин или она возникла в его голове как синтез идей из всех прочитанных им марксистских работ и практического опыта государственного централизованного управления в Германии при Бисмарке и "военного коммунизма" в России при Ленине. Скорее всего, последнее. Такая модель рано или поздно должна была завершиться естественной смертью как созданная на пороках и противоречиях, которые она ежечасно порождала и которые постоянно множились после того, как она стала всеохватывающей. Прав покойный академик В. Тихонов, который писал, что в СССР была создана самая нелепая из всех, какие только могут быть, хозяйственная система.

Результатом имманентных нерыночной модели пороков были *производство ради производства*, уродливая структура экономики, почти всеобщая неконкурентоспособность, ресурсопожирание, отсутствие самопроизвольной трудовой мотивации, мотивации к научно-техническому прогрессу, замедление темпов роста, нарастание социального недовольства в обществе. По сути в советской экономике *отсутствовал внутренний экономический механизм*, существовал лишь механизм внеэкономического принуждения — планирования и командования "сверху". В результате и появился такой феномен, как **общий кризис социализма**.

Командно-административная модель советской экономики вполне соответствовала политическому режиму — режиму абсолютной власти одного человека, одной идеи, одной партии, одного плана. Падение темпов роста производства и агония такой экономической системы стали, в свою очередь, главным фактором расшатывания и последующего развала тоталитарной политической системы.

Социализм привел к тотальному **огосударствлению экономики СССР**, сделал государство единственным работодателем, который не оставил трудящимся шансов на свободный выбор работы, на возможность "торговаться" за цену своей рабочей силы. Более того, по команде "сверху" рабочая сила была объявлена нетоваром, да и по сути не могла быть им. Все доходы населения заранее определялись как "пайки". Приоритетное значение имели тяжелая промышленность и ВПК.

Командно-административная сталинская модель советской экономики объективно порождала экстенсивный тип развития, чрезмерную ресурсоемкость и технологическую отсталость.

Тем не менее коммунистическая пропаганда создавала образ советской экономики как экономики процветающей, успешно догоняющей Запад, имеющей преимущества перед ним едва ли не во всех отношениях. Однако это была экономика ограбленной своими же правителями страны, значительная часть населения которой влачила полунищее существование. Это была экономика, в которой производитель не был заинтересован в удовлетворении реальных потребностей населения, а потребитель был зарегламентирован при удовлетворении своих нужд. Товары народного потребления всегда были

дефицитны, хотя по многим видам продукции тяжелой Промышленности объемы производства в принципе были вполне достаточны для того, чтобы этого дефицита не было. Огромный ресурсный потенциал страны использовался крайне расточительно.

Устраивала ли советское общество такая экономика? Похоже, что да. Это объясняется умелой пропагандистской обработкой населения, отсутствием у него малейшего представления о том, что жизнь может быть иной. Но с течением времени советская экономика подверглась эрозии и в конце концов рухнула. Ее расточительность и неэффективность привели к тому, что сама жизнь потребовала перехода на рыночные рельсы.

Соппротивление нерыночной экономике постепенно нарастало. Предпринимались не только попытки ее реформирования; многие мыслящие люди в те годы все-таки пытались проанализировать некоторые ее частные негативные проявления. Характерны выводы известного советского публициста А. Аграновского: «Организм должен работать сам по себе, а не так, чтобы проглотил кусок и ждал сигнала пищевода: "Проглаткивай!" Потом команда сверху: "Начать подачу желудочного сока!" И звонок снизу: "Желчь не завезли!"»¹.

Экономику бывшего Советского Союза разрушили практически два фактора — отсутствие в ней товарно-денежных отношений с их *механизмом конкуренции* и внутренне иницилируемого, т. е. органического, *научно-технического прогресса*. К этим факторам добавились партийная экономическая политика, ошибочно нацеленная не на конечный результат — удовлетворение народных потребностей, реального спроса населения, а на развитие тяжелой промышленности и ВПК. Важнейшей чертой советской экономики помимо абсолютного господства "общественной" собственности, которой бесконтрольно распоряжалась **номенклатура**, был ее планово-распределительный характер. Сейчас уже общепризнано, что в действительности это была экономика командно-административная, а видимость плановмерности маскировала глубокие диспропорции.

1 Аграновский А. Столкновение. М.: Госполитиздат, 1966. С. 41.

Объективные потребности общества в свободной экономической активности, в труде на собственное благо, в научно-техническом прогрессе не могли быть удовлетворены из-за жесткого командного управления и централизованного планирования. В конце концов эти объективные потребности взорвали советское общество.

Советская экономическая политика была всегда чрезвычайно *самоуверенной* и *амбициозной*. Чего, например, стоят лозунги и призывы "догнать и перегнать" США и другие развитые капиталистические страны в экономическом отношении! Чего стоят претензии создать в СССР чуть ли не рай земной, а именно некое общество, где будут работать в меру своих способностей (которые, как известно, ограничены), а получать по потребностям (которые безграничны)! И сроки вхождения в этот рай назначались достаточно конкретные: 1980 г.

Руководители и идеологи СССР утверждали и, похоже, были убеждены в этом, что плановая экономика и лучше, и эффективнее рыночной, поскольку при ней нет безработицы, нет расточительного потребления буржуазией, нет и эксплуатации трудящихся, которые якобы наконец-то стали работать на себя, что плановая экономика утверждает социальную справедливость, под которой имеются в виду уравнильное распределение доходов, отсутствие резко выраженной их дифференциации и социальные гарантии.

В действительности все оказалось не так. Достигнутый рост производства, лишенный необходимой основы — роста его эффективности, в конечном счете не умножал, а истощал потенциал страны.

Экономика базировалась на беспрецедентной в мировом масштабе степени эксплуатации народа. Социальная справедливость фактически попиралась вследствие глубокого неравенства между рядовыми трудящимися и номенклатурой, а также уравнильного распределения доходов среди трудящихся. Доля трудового дохода в ВВП СССР никогда не превышала 50% и была существенно ниже, чем в развитых капиталистических странах.

Руководители бывшего Советского Союза, опираясь на марксистско-ленинскую экономическую теорию, стремились создать такую модель экономики, которая не просто отлича-

лась бы от капиталистической, а была бы ей прямо противоположна. Такая экономика рассматривалась как *альтернатива капитализму* для всего человечества.

Многие развивающиеся страны добровольно избрали социалистический путь экономического развития, старательно изучали советский опыт. Однако конкретная историческая практика отвергла амбиции советских руководителей, развеяла иллюзии, а также обрекла на неудачу все заимствования их эпигонов.

В основе советской модели экономики лежали *априорные идеи*, субъективные суждения, а еще чаще — сугубо прагматические установки, призванные закрепить господство номенклатуры над народом и обеспечить накопление ресурсов для "мировой революции", как говорили вначале, а как обнаружилось потом — для международной экспансии.

Вот краткий перечень таких идей:

не частная, а государственная собственность, на основе которой монополизировалась вся хозяйственная деятельность;

не рынок, а волюнтаристский план;

не конкуренция и материальное стимулирование, а главным образом морально-политическое принуждение, подаваемое обществу в замаскированной форме как социалистическое соревнование;

не фермы или крестьянские хозяйства, а колхозы и совхозы;

не прибыль предприятий как конкретный ориентир хозяйствования, а концентрация средств в руках государства, что якобы должно было служить удовлетворению потребностей всего народа.

Утверждалось и всячески пропагандировалось, что Запад многое перенимает из советского опыта экономического развития, из советской модели экономики. Обычно назывались планирование, общественные фонды потребления, государственное вмешательство во все стороны экономической жизни и т. д. При этом замалчивалось, что на деле на Западе происходит весьма тонкая настройка экономики в соответствии с объективными потребностями общества, не имеющая ничего общего с тоталитаризмом и примитивизмом, что на Западе отвергаются диктатура, подавление личности, государственный

диктат, т. е. все то, что утверждалось в социалистическом обществе в соответствии с марксистско-ленинской доктриной.

В противоположность официальным утверждениям о растущей сознательности народа социалистический строй существовал именно в силу *непонимания народом* сути происходящего. Народ существовал в условиях изоляции от внешнего мира, на него оказывали мощное давление с помощью идеологического фундаментализма, над ним был установлен всеохватывающий контроль со стороны советской тайной полиции с ее гигантским аппаратом новейшей опричнины. Народ питал надежды и иллюзии по поводу достижения счастливой жизни, создания идеального общества — социализма и коммунизма. Этот общественный идеализм, **мессианство** проникали в сознание значительной части нашего народа, порой и не подозревавшего о том, что другая его часть переместилась в **ГУЛАГ** или находится на его пороге.

Командно-административная система активно поддерживалась советским обществоведением, работами многих советских ученых, в том числе и экономистов. Об этом справедливо и честно написала академик Т. Заславская: "Скажем прямо: на протяжении долгого времени обществоведение находилось не в авангарде, а скорее в арьергарде общества. По сути оно тащилось за практикой, ограничиваясь в значительной мере повторением, разъяснением и одобрением уже принятых решений"¹. Примерно в то же время академик А. Анчишкин призывал "выявить причины, толкавшие экономическую науку на путь конъюнктурщины, описательства, а часто — примитивной апологетики... Советская экономическая наука (а вместе с ней и хозяйственная практика) часто ориентировалась на идеологические установки, входящие в противоречие с реальными запросами развития социалистического общества"².

И в наши дни мы сплошь и рядом встречаемся с ностальгией по прошлому, по примитивным советским оценкам и иллюзиям. Например, продолжаем рассуждать о том, что рыночная экономика расточительна, что рационален лишь государственный диктат, что частная собственность ведет к обнищанию

1 Правда. 1987. 6 февр.

2 Коммунист. 1987. № 5. С. 35-36.

трудящихся, и т. д. и т. п. Таких идеологов немало, не все ОНИ прибегают к прямолинейным высказываниям, но явное или замаскированное стремление *вернуть страну в прошлое* характерно для немалого числа нынешних обществоведов, в том числе известных экономистов. По существу, эти люди работают против вхождения страны в нормальное цивилизационное поле, в мировое хозяйство, подрывают доверие к нам наших партнеров, создают искусственно искаженный образ трансформации российской экономики из принудительной (неэффективной) к рыночной (эффективной) модели.

Когда же подвергают критике современные, зачастую весьма неприглядные реалии, то стремятся всячески скрыть, что они зародились задолго до реформ. Уже тогда, в советское время, сложилась хищная корпоративная верхушка, политические властные структуры срослись с хозяйственной элитой, служебные злоупотребления стали повседневной практикой, процветала коррупция. Достаточно вспомнить хотя бы о так называемом золоте партии, "узбекском деле" и т. п. А то, что сейчас все это вышло на поверхность, окрепло, охватило всех и вся, то причина этому — непоследовательность реформ, обеспечиваемая во многом усилиями таких критиков.

Поэтому нельзя говорить об окончательном крахе прежней системы. Во многих посткоммунистических странах она так или иначе регенерируется, воспроизводится. И следовательно, нельзя ослаблять внимание к анализу ее корней, процессов эволюции, причин живучести. Без трезвого и принципиального расчета с прошлым не может быть нормального и честного настоящего и будущего.

Важно ответить на вопрос: что означал отказ от рынка, от товарно-денежной экономики и насильственное формирование нерыночной, плановой экономики? Как показала жизнь, советская экономика оказалась способной решать лишь конкретные задачи на ограниченном пространстве и на сравнительно короткий, заданный срок. Успехи были, но только при отборе "ведущих звеньев" и концентрации ресурсов на заданных направлениях (опять же на короткий срок). Экономика СССР была эффективной в годы войны: она оказалась способной удовлетворять потребности фронта и тыла за счет невероятного уменьшения потребления и падения жизненного уровня на-

рода; она могла обеспечить сооружение крупнейших промышленных объектов за счет урезания затрат на все другие нужды общества. Но эта экономика хронически не справлялась с задачами удовлетворения обычных потребностей людей во всем их разнообразии, устойчиво и с перспективой, не авральными, не чрезвычайными, а обычными, *нормальными методами*. По существу, это было расплатой за те, казалось бы, "успехи", которые достигались чрезвычайными методами экономической мобилизации.

Прошное надо пересматривать прежде всего ради лучшего понимания настоящего и будущего.

10.2. Темпы и пропорции экстенсивного экономического роста

Главная особенность экономического роста и развития бывшего СССР заключалась в том, что они определялись не законами соотношения спроса и предложения, не рыночными критериями, а официально разрабатываемыми и, как тогда говорили, "сверху" спускаемыми плановыми заданиями, директивными показателями, которые центральные органы управления доводили до каждого предприятия или организации. В свою очередь, эти задания во многом определялись политическими и идеологическими установками и интересами правящей партийной элиты, всей номенклатуры как в Центре, так и на местах.

Согласно официальным статистическим данным, все основные макроэкономические показатели страны на протяжении большей части советской истории росли чрезвычайно быстрыми темпами. Однако теперь известно, что официальная статистика сознательно преувеличивала и раздувала результаты экономической деятельности в стране. Тем не менее здесь стоит привести недоброкачественные советские индексы, ибо даже они позволяют сделать ряд небезынтересных выводов.

Возьмем данные о динамике совокупного общественного продукта (СОП — сумма валовой продукции отраслей материального производства), произведенного национального дохода (НД — сумма чистой продукции отраслей материального производства), промышленности, сельского хозяйства, капитальных вложений; реальных доходов на душу населения и розничного товарооборота в СССР (табл. 9).

Таблица 9

**Официальные индексы основных макроэкономических показателей
в 1917-1990 гг. (1913 г. = 100%)**

Год	СОП	НД	Промышлен-ность	Сельское хозяйство	Капвложения	Реальный доход на душу	Розничная торговля
1913	100	100	100	100	100	—	—
1917	—	75	71	88	—	—	—
1921	50*	38	40	60	—	—	—
1928	—	119	132	124	85	50-60	100
1932	—	217	352	107	282	—	130
1940	510	530	770	140	570	100	230
1943	—	392	693	52	325	—	74
1945	420	440	710	90	530	—	—
1950	820	880	1300	140	1 100	—	260
1955	—	1506	2412	170	1 964	—	491
1960	2100	2300	4 000	220	3 692	250	760
1965	2900	3200	6 100	250	5 000	288	1018
1970	4100	4600	9 200	310	7 200	400	1450
1975	5580	6085	13 174	322	10 000	490	1955
1980	6855	7484	16 354	347	11800	580	2440
1981	7077	7733	16 910	343	12 300	598	2542
1982	7318	8146	17 397	361	12 700	598	2542
1983	7626	8377	18 124	384	12 800	608	2600
1984	7876	8620	18 869	384	12 842	624	2771
1985	8065	8758	19511	385	13 239	650	2830
1986	8331	8959	20 369	405	14 351	660	2841
1987	8548	9102	21 143	403	15 155	680	2872
1988	8847	9502	21 968	410	16 095	702	3070
1989	9015	9740	22 341	415	16 851	—	3328
1990	8834	9350	22 073	403	16 861	—	3671

* 1922 г.

Приведенные в табл. 9 данные свидетельствуют о том, что за 77 лет национальный доход большой страны возрос в 90 раз, промышленное производство — в 220 раз. Известно, что другие страны тратили на подобный рост столетия. Такой быстрый экономический рост *вряд ли возможен вообще*.

Однако рассматриваемые официальные данные дают возможность выявить ряд важных тенденций в советской экономике.

Прежде всего в экономическом развитии бывшего СССР отчетливо видны четыре периода.

I период (1917—1928 гг.). В рамках этого периода произошли сначала крах, а затем восстановление старой российской экономики без каких-либо серьезных структурных изменений. При этом как спад производства в годы "военного коммунизма" и гражданской войны, так и среднегодовые темпы его последующего восстановления были рекордно высокими.

II период (1929—1953 гг.). Темпы развития советской экономики в условиях созданного тоталитарного режима были (за исключением военных лет) весьма высокими. Именно в эти годы произошел переход от нормальной рыночной экономики к нерыночной, имела место широкомасштабная перестройка (данный термин часто употреблялся в довоенные годы) промышленности в сторону сверхиндустриализации, гигантизации, милитаризации, всемерного акцента на тяжелую промышленность. В сельском хозяйстве перестройка заключалась в ликвидации крестьянских хозяйств, крестьянства как класса и в организации крупных государственных латифундий в виде колхозов и совхозов. По существу была создана уродливая структура народного хозяйства с чрезмерным упором на тяжелую промышленность и вообще на производство средств производства при недостаточном и даже слабом развитии производства предметов потребления, легкой и пищевой промышленности, сельского хозяйства. Практически этот период совпал с деспотическим единоначальным правлением И. Сталина. Именно в эти годы в СССР была создана классическая модель нерыночной, командной экономики.

III период (1954 г. — конец 70-х годов) связан с замедлением темпов экономического роста, ослаблением тоталитаризма, исчерпанием его сил и ресурсов, эрозией планового управления и начавшимся общим кризисом и агонией всей обще-

ственной системы, процессом саморазрушения социализма как общественной системы, его экономической модели.

IV период (80—90-е годы). Замедление экономического роста перешло в его прекращение, стагнацию экономики, в ее кризис и, наконец, в крах "реального социализма", его экономики, присущей ему экономической модели. Началась очередная в советской истории перестройка: переход от командной и нерыночной к нормальной рыночной экономике.

При макроэкономическом подходе к развитию любой экономики можно выделить два главных фактора экономического роста: увеличение затрат ресурсов и повышение эффективности их использования.

Важнейшей чертой советской экономики был *расточительный характер* использования всех без исключения видов ресурсов. Главным ресурсом, конечно, были капиталовложения, которые в условиях господства государственной собственности выделялись из государственного кармана и были бесплатным даром как для целых отраслей, так и для отдельных предприятий. А хороших даров всегда требуется все больше и больше. Именно крупные капвложения определили высокие темпы роста экономики СССР во втором периоде ее развития, в процессе формирования советской экономической модели. Капвложения росли при этом, как правило, быстрее национального дохода. В результате увеличивалась норма накопления, т. е. доля фонда накопления, особенно фонда производственного (т. е. в отраслях материального производства) накопления в национальном доходе СССР. В 1913 г. норма накопления в России составляла всего 9%, но уже в 1925—1926 гг. — 17, а в 1929—1930 гг. — 36%. Затем она установилась на уровне 25—27% и начала снижаться лишь с конца 80-х годов.

И все же надо сказать, что в конце 30-х годов и на протяжении большей части послевоенного периода реальная норма накопления в СССР составляла не 25—27%, а значительно больше. По сложившейся практике, исходя из существовавшей в советское время искусственной, нерыночной, государственной системы цен, весь налог с оборота приходился на цены потребительских товаров, а цены на средства производства, кроме того, еще и специально занижались, чтобы стимулиро-

вать спрос на них. В результате фонд накопления в национальном доходе страны исчислялся в заниженных оптовых ценах, а фонд потребления — в завышенных розничных. Таким образом структура использования национального дохода серьезно искажалась. Реальная норма накопления рассчитывалась отдельными исследователями либо в рублевых ценах единого уровня, либо в долларах, и она превышала уровень западных стран в 2—2,5 раза.

Если эту норму накопления соотнести с темпами развития советской экономики или с темпами роста производительности труда, которые сначала были высокими, а затем тоже начали снижаться, то легко обнаруживается тенденция к снижению эффективности накопления в СССР. При этом в попытках приостановить снижение темпов экономического роста государственная политика была направлена на искусственное наращивание нормы накопления *за счет потребления населения*.

О снижении эффективности накопления говорит падение темпов роста экономики в расчете на 1 % нормы накопления. Это классический пример снижающейся эффективности накопления, растущего дисбаланса между потреблением и накоплением в стране. Структура фонда накопления также была чрезвычайно неэффективной: большая доля строительства, особенно незавершенного, военной техники и малая доля машин и оборудования, особенно качественного и современного.

Все это говорит о *нарастании капиталоемкости*, т. е. о расточении ресурсов и фонда накопления, сокращении отдачи в виде выпуска продукции в расчете на единицу накопления. Последнее подтверждается и данными о затратах на капитальные вложения, отдача которых, как правило, также сокращалась. По расчетам Института экономики АН СССР, прирост национального дохода СССР на 1% прироста капвложений в 1950—1975 гг. сократился почти на 20%.

Однако высокие темпы роста и расточительность в использовании капитальных вложений и фонда накопления — это лишь один пример затратного, ресурсопожирającego экономического роста. Не менее, если не более, важным примером и фактором (вторым по счету) неэффективности советской экономики является высокая и порой растущая материалоемкость, расточительное *материалопожирание*.

Многие советские экономисты рассматривали снижение материалоемкости в качестве огромного резерва. Так, утверждалось, что снижение коэффициента материалоемкости всего лишь на один процентный пункт равнозначно приросту национального дохода в размере 7 млрд руб.

Особенно отчетливо расточительность советской экономики обнаруживалась при международных сравнениях. По расчетам Института мировой экономики и международных отношений АН СССР (ИМЭМО), Советский Союз потреблял сырья и энергии в расчете на единицу конечной продукции соответственно в 1,6 и 2,1 раза больше, чем США. По данным академика Н. Федоренко, в 1980 г. СССР расходовал в расчете на единицу конечного продукта стали в 1,8 раза больше, чем США, цемента — в 2,3, минеральных удобрений — в 7,6, лесопроductов — в 1,5 раза. Причем надо учитывать, что перепроизводство и расточительное использование сырья вели к неизбежным дополнительным капвложениям в строительство новых шахт, карьеров, организацию лесозаготовительных участков и т. д.

При отсутствии возможности учесть реальные потребности или реальный спрос в стране постоянно увеличивались запасы излишних материальных ценностей, не находящихся потребителя. В 80-х годах объем таких запасов достигал 470 млрд руб., или более 1/2 ВВП страны, что намного больше, чем в странах с рыночной экономикой.

Примеры удивительного по своим масштабам расточительства в использовании сырья и материалов в советском производстве можно приводить бесконечно.

Об общей неэффективности советской экономики свидетельствует и *высокая фондоемкость*, также не имеющая аналогов в рыночной системе (третий фактор неэффективности). Фондоемкость производства в СССР, как правило, росла, что вполне соответствовало логике функционирования социалистического затратного механизма в экономике.

Низкий и снижающийся уровень эффективности использования основных фондов в СССР определялся действием ряда факторов. Прежде всего в СССР всегда были велики сроки строительства, поэтому надолго омертвлялась и не могла быть обращена в действие, в самоокупаемость значительная часть

основных фондов. Средний срок строительства среднего промышленного предприятия в СССР превышал 12 лет (в США — менее 2 лет). Как правило, одновременно строилось более 300 тыс. объектов, и объем незавершенного строительства достигал огромных размеров — практически годовой величины капитальных вложений.

Специальное обследование, проведенное ЦСУ СССР в начале 70-х годов, показало, что из 77 сооружаемых объектов для машиностроения 14 объектов строилось более 10 лет, 19 — примерно 8—10 и 20 объектов — 5—7 лет. На момент обследования на всех объектах строительство еще продолжалось.

Однако специалисты всегда знали, какие могут быть реальные сроки строительства в СССР. В соответствии со сложившейся практикой после официальной приемки "законченного строительства" производственного объекта требовалось еще минимум 3 года, чтобы довести его до проектной мощности. Важно было поскорее "отрапортовать", чтобы получить соответствующее вознаграждение, а затем уже кое-как доводить дело до конца (что в условиях рыночной экономики просто невозможно). Поэтому фактически средний срок строительства среднего промышленного предприятия в СССР составлял не 12, а около 15 лет. Ежегодно на стадии освоения мощностей до полного их использования в соответствии с проектом находилась примерно третья часть всех основных фондов промышленности, а в отдельных отраслях — около половины. В результате процесс обновления основных фондов шел медленно, машинно-станочный парк страны после его создания стал активно стареть, ухудшались его качественные характеристики.

Совершенно очевидно, что в таких условиях не могло быть и речи о высокой эффективности использования основных фондов и низком коэффициенте фондоемкости. Причиной создавшегося положения могла быть прежде всего *невостребованность* достижений НТП со стороны советской экономики.

Интересное исследование динамики эффективности производства в СССР провел академик А. Аганбегян. По его расчетам, в послевоенный период эффективность основных фондов и капвложений в экономике СССР постоянно снижалась (табл. 10).

Таблица 10

**Динамика эффективности основных фондов и капвложений в СССР
в 1961-1985 гг. (%)**

Годы	Фондоотдача	Эффективность капвложений
1961-1965	-17	-16
1966-1970	-5	-10
1971-1975	-16	- 11
1976-1980	-15	-2
1981—1985	-15	-0,5

Эти расчеты наглядно свидетельствуют о неизбежном приближении краха советской экономики, которая, создав огромную ресурсную базу, оказалась не в состоянии ее эффективно использовать. С конца 50-х годов по мере снижения темпов экономического развития расточительность в капитальных ресурсах нарастала, огромные мощности использовались все хуже.

Уникальный феномен представляет собой структура советской экономики. В результате так называемой социалистической индустриализации (в которой не было ничего социального) была создана искусственная, предопределенная планом *уродливая структура* производства продукции и распределения ресурсов. Приоритет в государственной экономической политике заранее отдавался не уровню жизни, эффективности или конкурентоспособности производства, а темпам экономического роста, т. е. производству ради производства. Фетишизация темпов стала сутью официальной экономической политики тоталитарного режима.

Высокие темпы экономического роста стали главным помыслом советского режима, а стремление к их достижению — "образом жизни" советских руководителей, главным критерием успехов или неудач не только министров, директоров заводов и совхозов, председателей колхозов, но и отдельных работников, труд которых оценивался и вознаграждался прежде всего в зависимости от темпов роста объемов продукции — главного показателя плановой экономики.

Недаром высшее руководство страны считало главным критерием успешности их "мудрого" правления темпы наращива-

ния производства. Статистическая отчетность о выполнении планов, которую готовили ЦСУ СССР, министерства и предприятия, дополнялись разработками Госплана СССР, который разрабатывал и вводил в план в качестве показателей такие пропорции экономического развития, которые в соответствии с директивами политического руководства страны обеспечивали высокие темпы роста производства и поддерживали их на протяжении довольно продолжительных периодов путем не только наращивания ресурсной базы, но и напряжения по гипертрофированному росту тяжелой промышленности. При этом самое страшное и губительное для страны заключалось в том, что, по существу, высокие темпы экономического роста поддерживались *любой ценой*.

В отраслевой структуре народного хозяйства СССР быстро нарастала доля промышленности, но при этом снижалась доля сферы услуг, которая в конечном счете была доведена до минимальных размеров. Сдвиги в отраслевой структуре промышленности в довоенный период происходили в пользу машиностроения, металлургии, химической промышленности, производства стройматериалов и других видов сырья и лишь в остаточной мере определяли удельный вес легкой и пищевой промышленности.

В целом структурные сдвиги в промышленности СССР в результате реализации особой советской модели развития экономики и бурной индустриализации привели к гигантскому наращиванию производства средств производства и увеличению доли этой группы отраслей в структуре промышленного производства. Доля группы "А" в структуре промышленного производства СССР возросла с 35% в 1913 г. до 61% в 1940 г. и 75% в послевоенные годы.

Таким образом, в СССР в 1950—1980 гг. сложилась более или менее стабильная структура экономики, характерная для индустриально-аграрной страны среднего уровня развития (табл. 11). Но в 80-х годах сложившаяся макроструктура экономики в связи с серьезным замедлением темпов роста промышленного производства стала разрушаться. Доля промышленности резко пошла вниз, доля сельского хозяйства, обычно подверженная колебаниям в урожайности культур, стала расти. Возросла и доля строительства. Несомненно, что в годы горбачевской

перестройки стала расти доля отраслей сферы услуг в связи с размытием старой, нерыночной экономической модели и усилением роли товарно-денежных отношений. Об этом свидетельствуют данные о повышении доли торговли в 80-х годах. В табл. 12 представлены официальные данные, характеризующие отраслевую структуру промышленности в 1970—1990 гг.

Таблица 11

**Отраслевая структура национального дохода СССР
в 1950-1990 гг. (в %)**

Отрасль	1950	1958	1965	1970	1980	1985	1990
Промышленность	57,5	50,2	52,4	51,2	51,5	45,5	40,4
Сельское	21,8	24,1	22,0	21,8	14,9	19,5	24,9
Строительство	6,1	9,5	9,0	10,3	10,3	10,8	12,0
Транспорт и связь	3,5	4,4	5,6	5,6	5,8	6,1	6,5
Торговля и проч.	11,1	11,8	11,0	11,1	17,4	18,2	16,2

Таблица 12

**Структура промышленного производства СССР
в 1970-1990 гг. (в %)**

Отрасль, комплекс	1970	1980	1985	1988	1990
Вся промышленность	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Тяжелая промышленность	60,0	66,7	69,0	70,5	69,9
Топливо-энергетический комплекс	12,9	12,1	11,3	10,8	10,3
Металлургия	10,4	9,6	9,3	9,0	—
Машиностроение	16,3	24,3	27,5	29,0	29,6
Химико-лесной комплекс	10,5	10,7	11,2	11,3	11,1
Промышленность стройматериалов	4,3	3,9	3,8	3,8	3,8
Легкая промышленность	18,8	16,2	14,6	13,8	14,0
Пищевая промышленность	18,9	15,4	14,8	14,3	14,6
Прочие отрасли	2,3	1,7	1,6	1,4	1,5

Данные табл. 12 свидетельствуют: до 1988 г. неуклонно наращивалась доля **тяжелой промышленности**, затем она стала снижаться, несколько увеличились доли легкой и пищевой промышленности. Однако все это происходило на фоне начавшегося спада всего промышленного производства.

Таким образом, в процессе развития советская экономика не только стала замедлять темпы роста, но и столкнулась с феноменом последовательного наращивания неэффективной, даже уродливой структуры, явно перекошенной в сторону тяжелой промышленности, производства ради производства. Неэффективность усугублялась по причине, во-первых, расточительного использования ресурсов, во-вторых, отраслевой структуры производства.

Это явилось результатом огромной стратегической ошибки — выбора для "реального социализма" *нерыночного, командно-распределительного механизма хозяйствования*. Главными чертами этого "социалистического" экономического механизма были, во-первых, его затратный, ресурсопожирающий характер, во-вторых, экстенсивный тип развития, ориентированный прежде всего на количественный рост, наращивание масштабов производства, в-третьих, невосприимчивость к нововведениям, к НТП вообще.

Для того чтобы добиться успеха в выполнении плановых заданий, предприятию было достаточно получить от государства не очень напряженный план, но полное обеспечение всеми видами ресурсов. Предприятие не несло никакой ответственности за обеспеченность своего производства ресурсами, за сбыт произведенной продукции, которая также распределялась по плану, и за новые инвестиции. Финансовое положение предприятия было застраховано государством, у которого оно лишь просило и требовало все новых ресурсов без рыночного принуждения к их экономии.

Такому типу экономического механизма и развития вполне были адекватны сложившиеся в стране система и политика оплаты труда. Директора предприятий заботились в первую очередь о выполнении плановых заданий, о максимизации валовой продукции и содержали на своем фонде оплаты труда *скрытые излишки рабочей силы*. В то же время они не были заинтересованы в экономии на трудовых издержках и распределяли выплаты из фонда оплаты труда и поощрительных

фондов среди своих работников более или менее поровну независимо от количества и качества произведенной продукции и реального трудового вклада.

Заработная плата в СССР, как правило, вообще не была связана с трудом и его результатами. Она зависела от должности работника, тарифов и ставок, устанавливаемых командно-распределительной системой.

В послевоенный период подлинным бичом производства стала **текучесть кадров**: люди меняли место работы в поисках более высокой оплаты труда. Однако повсеместно уровень заработной платы был настолько низким, что не создавалась реальная мотивация к качественному труду.

При плановом трудоустройстве неизбежно возникала *сверхзанятость*, избыточная численность рабочей силы. Уровень вовлеченности рабочей силы в производство был беспрецедентным. Именно этим объяснялись отсутствие безработицы и одновременно серьезная диспропорция между числом созданных рабочих мест и наличием рабочей силы, а также хроническая аритмия в ее использовании. По оценке Т. Заславской, от 5 до 15% работников на большинстве предприятий были лишними, их держали "на всякий случай". Значительная часть работников (25—30%) была занята тяжелым физическим трудом (для сравнения: в США и Японии — 4—5%).

Теперь вернемся к анализу фонда накопления в национальном доходе СССР. В соответствии с официальными данными, норма накопления в СССР возросла с 9,0% в 1913 г. до 17,2% в 1925—1926 гг. и до 25—27% в послевоенный период. Однако в действительности этот показатель был значительно выше. При оценке средств производства, военной продукции и строительства в реальных ценах норма накопления достигала почти 40%. На фонд потребления приходилась значительно меньшая доля, чем та, которая складывалась в западных странах. Под давлением централизованных плановых указаний население СССР практически становилось жертвой, принесенной на алтарь производства, темпов его роста. С точки зрения нормальных критериев оптимальности это был *хронический дисбаланс*.

Другим хроническим структурным дисбалансом в экономике СССР, неразрывно связанным с первым, было соотношение между двумя подразделениями общественного производства —

производством средств производства (I) и предметов потребления (II) в масштабах всего народного хозяйства (о соотношении групп "А" и "Б" в промышленности уже говорилось). Согласно официальной теории, роль которой выполнял марксизм-ленинизм, в основе развития любой экономики лежит "закон" преимущественного роста производства средств производства (I подразделения) по сравнению с ростом производства предметов потребления (II подразделения), хотя это не доказано ни экономической историей, ни практикой ни одной страны в мире, за исключением СССР.

Слепо придерживаясь названного "закона", ЦК КПСС и Госплан СССР постоянно *задавали* преимущественные темпы роста средств производства, включали их в обязательные к исполнению показатели годовых и пятилетних планов. Все это делалось прежде всего для поддержания высоких темпов экономического развития, создания мощной индустриальной базы, обороны и самообеспеченности страны.

В директивах XV съезда ВКП(б) (1927 г.) говорилось: "Здесь следует исходить не из максимума темпа накопления на ближайший год или несколько лет, а из такого соотношения, которое обеспечивало бы длительно наиболее быстрый темп развития". И далее: "В соответствии с политикой индустриализации страны в первую очередь должно быть усилено производство средств производства, с тем чтобы рост тяжелой и легкой индустрии, транспорта и сельского хозяйства, т. е. предъявляемый с их стороны производственный спрос, был в основном обеспечен внутренним производством промышленности СССР. Наиболее быстрый темп развития должен быть придан тем отраслям тяжелой индустрии, которые поднимают в кратчайший срок экономическую мощь и обороноспособность СССР, служат гарантией возможности развития и в случае экономической блокады ослабляют зависимость от капиталистического мира и содействуют преобразованию сельского хозяйства на базе более высокой техники и коллективизации хозяйства"¹.

Подобного рода установки сохранялись практически вплоть до развала СССР. Помнится, как в 1963 г. Госплан Украинской

1 Цит. по: *Мотылев В.* Проблема темпа развития СССР. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1929. С. 102, 104.

СССР решил сделать исключение для своей республики, в годовом республиканском плане отошел от общепринятой нормы и не предусмотрел преимущественного роста для группы "А" промышленности. Госплан СССР, получив этот план, даже не стал его рассматривать как не соответствующий "теории" и отправил обратно в Киев на доработку.

В результате Советский Союз среди развитых в экономическом отношении стран мира, очевидно, был страной с самым высоким удельным весом продукции I подразделения. Это означает, что СССР производил в расчете на единицу произведенных конечных потребительских благ наибольшее количество средств производства (в большинстве своем промежуточных товаров, полуфабрикатов), т. е. имел самую неэффективную экономику среди этих стран. Однако сторонники "закона", как правило, не понимали этого и порой выдавали преимущественный рост производства средств производства за врожденное "преимущество социализма" как системы, хотя на деле подобного рода "закон" вполне уместно считать **законом убывающей эффективности производства**.

Мы уже отмечали, что в СССР доля I подразделения была заметно выше, чем в любой стране с рыночной экономикой, несмотря на более низкий уровень экономического развития, и достигала 64%. Доля отраслей группы "А" в промышленности СССР составляла 75% (в США — 65%). Это означает, что объем продукции группы "А" в советской промышленности был в 3 раза больше, чем группы "Б". Подобный же разрыв между двумя этими группами промышленности по капвложениям вдвое превышал их разрыв в объеме производства.

Таким образом, нерыночная советская экономика имела явно несбалансированную структуру, которая в отраслевом аспекте характеризовалась неразумно высоким удельным весом отраслей, производящих средства производства, особенно отраслей тяжелой промышленности. В результате в конце 70-х — начале 80-х годов Советский Союз уже производил больше, чем США, каменного угля, нефти, железной и марганцевой руды, кокса, стали, чугуна, стальных труб, металлорежущих станков, дизельных локомотивов, пиломатериалов, цемента, железобетонных конструкций и т. д., но серьезно отставал от США по общему объему производства и особенно по наукоемкой, высокотехнологичной продукции, по техническому уров-

ню и эффективности производства. Например, отставание по производству электроэнергии на АЭС составляло 3 раза, пластмасс — 5 раз. Особенно значительным было отставание в производстве и практическом применении компьютеров и других изделий электронной промышленности.

В структуре советской экономики особенно значительным был удельный вес добывающей промышленности, отраслей, производящих промежуточное сырье и простую инвестиционную продукцию — стройматериалы и оборудование. В производстве простых, неконкурентоспособных и ненаучоемких продуктов командно-распределительная экономика действительно достигла огромных результатов и не знала соперников в мире. Почти все эти продукты поглощались на внутреннем рынке в результате планового, бартерного распределения по отраслям и территориям. Так создавался антураж скромного и непретенциозного, но в то же время вполне обеспеченного образа производства и жизни. Все более или менее необычное и эксцентричное связывалось с Западом и отнюдь не было результатом собственного научно-технического прогресса.

В промышленности СССР формировались зоны неэффективного производства, которые не могли компенсироваться зонами растущего эффективного производства, связанными напрямую с НТП. Примерами неэффективного производства могут служить добывающая промышленность и в известной части машиностроение. Так, по мере усложнения условий добычи полезных ископаемых требовалось все больше дополнительных затрат. В 1974—1984 гг. затраты на тонну прироста добычи нефти увеличились на 70%, затраты на добычу топлива удвоились; с середины 60-х до середины 80-х годов удельные затраты на добычу железной руды утроились. Средняя глубина нефтяных скважин за эти 20 лет увеличилась вдвое. Сдвиги в перемещении добывающей промышленности в труднодоступные районы страны привели к тому, что доля вложений в районы Дальнего Востока возросла на 50%, а Западной Сибири — на 1/3. Это объясняется не только усложнением горногеологических условий добычи, но и необходимостью формирования социальной инфраструктуры.

На машиностроительных заводах страны расширялось и укреплялось *натуральное самодостаточное хозяйство*. Вместо

специализации производства, которая прогрессировала на аналогичных заводах в странах с рыночной экономикой, в СССР создавались крупные комплексы с собственной ремонтной базой, производством собственного литья, заготовок, поковок, инструмента и т.д., т.е. с вспомогательным производством. Ике это негативным образом влияло на производительность труда, эффективность и конкурентоспособность производства. И несмотря на многочисленные "решения партии и правительства", дела со специализацией советского машиностроительного производства не улучшались: заведомо неэффективное вспомогательное производство все расширялось, коэффициент специализации не повышался.

На фоне этой картины особый случай представлял военно-промышленный комплекс СССР. Здесь были сконцентрированы лучшие кадры специалистов и рабочих, самый совершенный технический аппарат в виде машин и оборудования. Здесь была жесткая дисциплина труда, четкая организация производства и самая высокая оплата труда в промышленности.

Непроизводительные с экономической точки зрения военные расходы превышали 20% ВВП страны, а доля военной продукции в общем выпуске советского машиностроения составляла более 40%. На военные цели уходила третья часть производимого в стране металла, 20% топлива. Напомним, что в Германии и Японии высокие темпы экономического роста в значительной мере были обусловлены практическим отсутствием военных расходов, в СССР же огромные военные расходы стали серьезным фактором сначала снижения, а затем и прекращения экономического роста.

Некоторые западные исследователи (Ван Брабант, И. Бирман и др.) считают военные расходы чуть ли не главной причиной падения темпов экономического роста, проигрыша соревнования с капитализмом и развала экономики в СССР. На наш взгляд, причиной падения темпов экономического роста является *отсутствие внутреннего саморазвития в СССР*, заданность развития извне, на основе планов, органическая несрабатываемость, неэффективность и самопожирание советской экономики, точнее советской нерыночной командно-распределительной экономической модели, не содержащей механизма

конкуренции, мотивационного механизма к производительному и качественному труду и, что самое главное, к научно-техническому прогрессу.

10.3. Основные этапы развития советской экономики

После количественного анализа темпов и пропорций развития советской экономики рассмотрим эту проблему с позиций реальной экономической истории бывшего Советского Союза, чтобы понять, почему, казалось бы, процветающая экономика закончила свой путь так скоро (по историческим меркам) и так бесславно.

Сразу же после октябрьского переворота 1917 г. экономика страны попала в тиски **военного коммунизма**. По существу это была безумная попытка методом революционной кавалерийской атаки быстро реализовать на практике теоретические идеи Маркса о ликвидации рынка и товарно-денежных отношений, заменив их прямым продуктообменом. Параллельно решалась задача ликвидации буржуазии как класса с помощью ее якобы естественного могильщика — пролетариата. В целом это была фанатичная попытка искусственно насадить великую социальную утопию.

Период "военного коммунизма" характеризовался насильственным изъятием у крестьян зерна и других продуктов в пользу городских жителей, национализацией, а также введением карточной системы. Идея содружества рабочего класса и крестьянства, серпа и молота была развеяна в пух и прах явно антикрестьянской направленностью политики Ленина.

Многие жесткие государственные административные структуры, созданные во время Первой мировой войны в Германии и России, послужили прообразом управления экономикой страны и ее планирования большевиками в годы "военного коммунизма". Образно выражаясь, можно сказать, что вся управленческая инфраструктура большевиков вышла из пепла Первой мировой войны.

Если быть точным, то борьба с рынком началась не в 1918 г. и не большевиками, а в 1915 г. буржуазно-помещичьим царским правительством.

Военно-административные методы управления, введенные в годы Первой мировой войны в России, проявились особенно

ярко в 1915 и 1916 гг. в практике **продразверстки**, направленной прежде всего на насильственное изъятие овса для нужд кавалерии, хлеба и некоторых других продовольственных продуктов с помощью военизированных отрядов. В 1915 г. были введены твердые цены на казенные сделки по овсу и другим зерновым, а также издан закон, разрешающий вводить запреты на местный вывоз зерновых и даже их реквизицию. Хлебные губернии были опоясаны заставами и запретами, другие же губернии оказались без притока хлеба и иных продуктов питания.

Временное правительство в 1917 г. не только восприняло эту практику, но и значительно расширило ее. В марте 1917 г. им было принято постановление, состоящее из двух частей:

- 1) об обеспечении снабжения государственных и общественных учреждений, путей сообщения, заводов и предприятий, работающих на нужды обороны, металлами и топливом;
- 2) об учреждении общегосударственного Продовольственного комитета для выработки общепродовольственного плана под руководством Министерства земледелия.

Позднее, в июне 1917 г., были созданы Экономический совет и Главный экономический комитет (ГЭК) для выработки "общего плана организации народного хозяйства и труда, а также для разрешения законопроектов и общих мер по регулированию хозяйственной жизни". Это были прообразы будущих ВСНХ и Госплана, созданных большевиками сразу же после октябрьских событий.

Временное правительство ввело государственную монополию на зерно и уголь, что означало насильственное отчуждение этих товаров по твердым ценам в общегосударственный фонд для дальнейшего распределения. Стоял вопрос не только о расширении продразверстки, но и о введении в стране обязательной трудовой повинности, принудительном синдицировании, государственном установлении цен и заработной платы, об отказе от свободы торговли.

В декабре 1917 г. был создан **Высший совет народного хозяйства (ВСНХ)**, началась широкомасштабная **национализация** не только бывших ранее частными заводов, фабрик и мелких мастерских, не говоря уже о торговле, банках, но и земли. Идеальный противник большевиков Г. Плеханов предупреждал, что реализация идеи национализации земли приведет к уста-

новлению в России "экономического порядка, лежащего в основе всех великих восточных деспотий", что большевизм — это "китайщина", "антиреволюционный", "реакционный" поворот колеса русской истории к **азиатскому способу производства**.

Друг юности Ленина Ю. Мартов, один из создателей социал-демократической партии России, еще в 1918 г. писал, что "ужас берет при мысли, как надолго в сознании народов будет скомпрометирована социалистическая идея"¹. Другой противник большевиков, известный российский экономист Б. Бруцкус, писал в 1922 г.: «Марксистский социализм отрицает рынок и рыночные цены как регуляторы производства, как регуляторы распределения производительных сил... Совершенно очевидно, что экономическая система, которая не располагает механизмом для приведения производства в соответствие с общественными потребностями, несостоятельна. Стремясь преодолеть "анархию капиталистического производства", социализм может повергнуть народное хозяйство в "суперанархию", по сравнению с которой капиталистическое государство являет собой картину величайшей гармонии»².

В годы "военного коммунизма" в стране было введено жесткое государственное бюрократическое управление всей экономикой, стали разрабатываться планы производства и распределения отдельных продуктов, составляться балансы зерна и топлива. В 1920 г. был утвержден план ГОЭЛРО — план электрификации России. К концу года уже около 2/3 промышленных предприятий в стране было национализировано. Темпы национализации в 1918—1920 гг. были намного быстрее темпов приватизации в 1992—1998 гг., да и сам процесс национализации был более радикальным.

Впервые в мировой истории государство ликвидировало огромную массу частных собственников, частных производителей и возложило на себя целиком и полностью задачу по организации и управлению всей экономикой страны. Всерьез и надолго одним из возможных критериев социально-экономического развития СССР стал показатель доли социалистическо-

1 Цит. по: Российская газета. 1995. 27 дек.

2 Бруцкус Б. Социалистическое хозяйство // Экономика и организация промышленного производства. 1991. № 5. С. 68, 75.

го (или государственного) сектора в хозяйстве, который стал быстро расти.

Ликвидация денег, отмена рынка и товарно-денежных отношений привели к масштабной натурализации экономики. Социализация и натурализация экономики — важные последствия большевистской революции 1917 г.

Однако в результате Первой мировой войны, Гражданской войны и национализации объем производства и численность рабочей силы в России резко сократились. Национальный доход в 1921 г. составил лишь 44,7% уровня 1913 г., промышленное производство попросту рухнуло (падение в 7 раз), продукция сельского хозяйства уменьшилась на 1/3, а численность рабочих в промышленности — на 45%. Войны, социализация и натурализация экономики привели к *распаду финансовой и денежной систем страны*.

Как писал в 1925 г. советский экономист Д. Кузовков, "пролетариат и его идеологи уже исторически выработали в себе отрицательное отношение к деньгам как символу капиталистической эксплуатации; в последние же годы перед революцией это отношение было еще более углублено дезорганизацией денежного обращения. При таких настроениях среди пролетариата легко случилось, что дезорганизация денежной системы, постепенное отмирание денег и появление натуральных отношений стало рассматриваться не как величайшее несчастье, свалившееся на голову поглощенного борьбой пролетариата, а как положительное явление, которое знаменует собой новый шаг вперед в борьбе против капитализма; начавшаяся натурализация хозяйства, созданная разложением финансовой системы и денежного обращения, была принята и приветствовалась как переход к безденежно-плановому хозяйству"¹.

Вчерашние полуграмотные рабочие и крестьяне заняли кресла директоров заводов и фабрик, руководителей различных организаций, ведомств и министерств. Они управляли примитивным производством и продуктообменом, руководствуясь не знаниями или профессионализмом, а классовым чутьем и "сознанием масс", внутренней убежденностью в своем превосходстве.

1 Кузовков Д. Основные моменты распада и восстановления денежной системы // Финансовое оздоровление экономики: опыт нэпа. М., 1990. С. 25.

В это же время были созданы Госплан, Наркомат труда, другие экономические наркоматы, включая отраслевые, т. е. прототип будущей сталинской политической и экономической иерархии, советской структуры управления и централизованного планирования. Советский экономист И. Рейнгольд писал в 1930 г., что в годы "военного коммунизма" каждая отрасль промышленности «работала на "государственный котел", получая определенное задание, и не должна была заботиться об обеспечении процесса воспроизводства; государство и его регулирующие органы должны были дать все необходимое, передвигая материальные ценности из одной отрасли в другую и отмечая эти передвижки лишь бухгалтерскими записями»¹.

Полная натурализация хозяйственных отношений в стране (лишь 7% хозяйственных связей опосредовались деньгами) плюс огромная денежная эмиссия привели к значительному обесценению рубля, а следовательно, и налогов. Взимание налогов становилось все более бессмысленным. Поэтому специальным декретом решено было их отменить в начале 1921 г., но декрет не успел пройти процедуру утверждения, так как был введен нэп, хотя Наркомат финансов специальным циркуляром уже прекратил взимание всех налогов в денежной форме.

Надо отдать должное Ленину, который признал поражение революции в годы "военного коммунизма" и настоял на переходе к нэпу. В целом же в борьбе против рынка большевики потерпели тяжелое политическое и экономическое поражение.

Как сказал Ленин, "военный коммунизм" в России провалился. В 1921 г. он писал: "Мы рассчитывали — или, может быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчета — непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелко-крестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку"².

Л. Троцкий видел в "военном коммунизме" нормальное бытие. Выступая на Московской общегородской партконференции в марте 1920 г., он говорил: "Именно на принудитель-

1 Рейнгольд И. Финансовая политика нэпа // Финансовое оздоровление экономики: опыт нэпа. М., 1990. С. 46.

2 Ленин В.И. Поли. собр. соч. 5-е изд. Т. 44. С. 151.

ном общественно-обязательном труде и стоит все советское строительство. Социалистическое общество строится на основах коллективного принуждения класса, на труде общеобязательном"¹.

Помимо Ленина и Троцкого, известных своим экстремизмом, теоретиком "военного коммунизма" был и Н. Бухарин. В работе "Экономика переходного периода", датированной маем 1920 г., он писал, что "переход от капитализма к социализму совершается через концентрированную мощь пролетариата — рычаг пролетарской диктатуры... **на основе коренного изменения в отношениях собственности.** Другими словами, экспроприация экспроприаторов и должна быть содержанием социализирующего процесса"². Но в ходе этой социализации должна быть заплачена огромная цена, включающая **"физическое уничтожение элементов производства...** Речь идет здесь, с одной стороны, об уничтожении вещественно-материальных элементов производства, с другой — людских его элементов"³.

Как видно, и Бухарин был вполне заражен фанатизмом и экстремизмом.

В 1921 г. в стране была введена **новая экономическая политика (нэп)**, означавшая частичный возврат к рынку, сочетание рынка с планом.

Период нэпа (1921—1928 гг.) начался с замены продразверстки продналогом, с развития товарных отношений между городом и деревней. В результате в стране возник рынок, появилась мотивация к труду, были ликвидированы многие административные излишества, столь характерные для "военного коммунизма".

Возврат к рынку не мог не сказаться на оздоровлении экономики. Индивидуальные крестьянские хозяйства получили право свободно торговать своими продуктами. Был разрешен наемный труд. Торговля не только возродилась, но и стала расцветать. В промышленности образовывались тресты и другие хозрасчетные объединения. Был ослаблен государственный административный контроль над экономикой. Естественно, что

1 Цит. по: Известия. 1987. 26 июля.

2 Бухарин Н. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 140.

3 Там же. С. 130.

экономика страны стала сразу же набирать силу. В результате всего лишь за семь лет — с 1921 по 1928 г. — промышленное производство возросло более чем в 3 раза, сельскохозяйственное — примерно в 2 раза, а национальный доход утроился. За весь советский период эти темпы были рекордными.

Однако партаппарат и государство сохранили в своих руках все созданные ранее рычаги административного управления экономикой. Более того, вся крупная промышленность оставалась государственной собственностью.

И тем не менее надо признать, что нэп как целостная или комплексная система *не сложилась*. Да она и не могла сложиться, так как у Ленина не было и не могло быть четкой концепции социалистического рынка, или товарно-денежных отношений в условиях социализма. Против нэпа выступали и многие его сподвижники. Более того, Ленин считал нэп временным отступлением и вовсе не призывал к ослаблению государственного и партийного контроля над экономикой и обществом. После X съезда партии он даже призывал сохранять террор. Он писал: "Величайшая ошибка думать, что нэп положит конец террору. Мы еще вернемся к террору, и террору экономическому"¹. Жизнь очень скоро подтвердила ленинский прогноз.

Все это приводит к выводу, что на деле было два Ленина: один — неистовый революционный фанат, другой — трезвый прагматик, допустивший нэп. Эта *раздвоенность* вождя в мыслях, действиях, да и в характере после его смерти найдет отражение во всей советской истории и особенно в работе ЦК партии.

Уже в 1925 г. правительство вновь стало вводить контроль над ценами, а кредиты выдавать в административном порядке. Начиная с 1926 г. командно-административная государственно-распределительная система стала интенсивно укрепляться, плановое начало и авторитарный централизм все более завоевывали плацдарм в экономике и обществе, ослабляя роль товарно-денежных отношений и рынка. Началась реорганизация ВСНХ, усилилось его административное вмешательство в экономику, укреплялись Госплан СССР и ЦК ВКП(б). Рынок вытеснялся на обочину, а его место занимали прямые центра-

1 Ленин В.И. Поли. собр. соч. 5-е изд. Т. 44. С. 428.

лизованные указания, что производить и кому распределять. Детальные плановые задания трестам, спускаемые "сверху", практически ликвидировали хозяйственную самостоятельность предприятий, делали ненужными и даже наказуемыми всякую их инициативу и предприимчивость, если она выходила за рамки, определенные "сверху".

Стали оживать (и очень быстро!) "ценности" "военного коммунизма", связанные с резкой заменой рыночных отношений на нерыночные, бестоварные, бартерные. Вновь во весь рост встал вопрос о социализации и натурализации экономики страны. К 1928 г. появились дефицит, очереди, нормированное распределение продукции, карточки, отмененные, было, в период нэпа.

Все годы нэпа характеризовались важными *внутренними противоречиями в экономике*, которые также "украшали" экономическую историю страны: между планом и рынком; между централизмом, административным управлением и экономическим регулированием; между консервативным и либеральным крылом в руководстве страны, его партийно-хозяйственном аппарате.

О последнем противоречии следует сказать особо. Речь идет о широкой дискуссии, развернувшейся после смерти Ленина, между троцкистами и бухаринцами, за которой внимательно следил И. Сталин. Главным представителем троцкизма в дискуссии был талантливый экономист Е. Преображенский, который в яркой форме говорил и писал о первоначальном социалистическом накоплении для быстрой индустриализации страны за счет крестьян, превращении социалистической страны в оборонительную крепость против агрессивного капиталистического окружения, о несовместимости социализма с мелким товарным производством, о немедленном прекращении нэпа.

Идеям троцкистов были противопоставлены аргументы Н. Бухарина, который, изменив свою прежнюю позицию, противопоставил троцкистам аргументы о необходимости продолжения нэпа, опоры на крестьянство, постепенной, сбалансированной, а не чрезвычайной сверхиндустриализации страны. При всей своей нерешительности и половинчатости Бухарин в этот период выступал против возрождения политики "военного коммунизма", ведущей в конечном счете к перерож-

дению слоя администраторов-бюрократов в особый класс номенклатуры, в класс социалистических эксплуататоров, владеющих огромной собственностью — всем государством. При этом он не был против индустриализации или планирования. Однако считал, что индустриализацию надо проводить без чрезвычайщины, спокойно, постепенно и сбалансированно за счет внутренних, или собственных, ресурсов, не подрывая союза пролетариата и крестьянства, а, наоборот, укрепляя его. А крестьянство должно развивать свое хозяйство, накапливать ресурсы, обогащаться. Столбовой путь крестьянства в социализм Бухарин видел через добровольную кооперацию. Его модель социализма была моделью смешанной социалистической экономики с наличием разнообразных форм собственности и сочетанием планового регулирования со всемерным развитием товарно-денежных отношений.

Конечно, программа и модель социалистического строительства, предложенные Бухариным, выглядят более обоснованными с экономической точки зрения и привлекательными с политической и социальной точек зрения, чем модель Преображенского — модель и программа троцкистов. Но бухаринская модель не устраивала Сталина — крайне левого экстремиста и диктатора-революционера. Воспользовавшись аргументацией троцкистов, Сталин добавил ей "революционности", грубости и решительности и выдал за собственную концепцию социалистической индустриализации, отправив нэп, а заодно и заблудившихся "товарищей", говоря его словами, "к черту". Все это находилось к тому же в русле сталинской "теории" обострения классовой борьбы в процессе строительства социализма "в одной отдельно взятой стране".

Дискуссия между "левыми" и "правыми", между троцкистами и бухаринцами вызвала специальную дискуссию по вопросам социалистического планирования. Во второй половине 20-х годов советские плановики и теоретики планирования разделились на так называемых **генетиков** и **телеологов**.

Генетики опирались на макроэкономические реалии, в частности объективно складывающиеся народно-хозяйственные пропорции, и требовали ориентации на них при составлении

планов. Главными поборниками этого направления были В. Базаров и В. Громан. К ним примыкали Н. Кондратьев и П. Попов, ратовавшие за восстановление равновесия цен на промышленные и сельскохозяйственные продукты и нормальные темпы экономического роста.

Генетики, в частности, исходили из темпов роста промышленности СССР равных 4—5% в год. По этому поводу В. Куйбышев писал в 1929 г.: «Иными мерками, отличными от капитализма, эти буржуазные экономисты органически не способны мерить. Они до сих пор ничего не поняли в этой системе хозяйства, которую создала Октябрьская революция, они тщательно перечитывают и штудируют учебники, выискивая исторические "прецеденты", ведут ученые споры на тему о том, где, когда и как были обусловлены те или иные темпы промышленного развития той или иной капиталистической страны, и никак не поймут, что ни в одном учебнике, по которым они учились и кроме которых они ничего не знают, не говорится ни одного слова о таком государстве, у власти которого стоит рабочий класс, где в его же руках сосредоточена и вся крупная промышленность, и транспорт, и банки, где осуществляется плановое хозяйство, и т. д.»¹.

Телеологи в отличие от генетиков требовали учета в планах субъективного фактора, руководящей воли, задаваемой "сверху", по сознательному ускорению темпов экономического роста, решительной ломке сложившихся пропорций, т. е. превращению планов в орудие сознательного подталкивания экономики страны. Представителями этого направления были Н. Вознесенский, С. Струмилин и А. Боярский. В своих оценках они отличались чрезмерным оптимизмом и всячески критиковали генетиков, порой весьма резко предъявляя политические обвинения в адрес оппонентов.

Телеологов явно поддерживало революционно-экстремистское руководство страны, не отличавшееся профессионализмом. Интересно, что в процессе этих дискуссий представитель генетиков В. Базаров предупреждал о неизбежности замедления темпов роста советской экономики в результате быстрой и поспешной индустриализации, что в конце концов и произошло. Те генетики, кто не согласился с уже принятой к концу 20-х годов "линией партии", были уничтожены.

1 Торгово-промышленная газета. 1929. 15 апр.

В целом советская экономическая система была сформирована не после революции 1917 г., а после 1929 г., в период так называемой социалистической индустриализации.

Отход от нэпа начался практически в 1926 г., и в 1928 г. он был завершен. С 1929 г. начался "великий перелом" — период **индустриализации**, сутью которой стало формирование на основе троцкистских идей сталинской модели социализма, сталинской модели экономики и экономического механизма. Именно индустриализация определила характер хозяйственного развития СССР на последующие десятилетия, взлет и падение "реального социализма" как системы.

На протяжении периода индустриализации (1928—1940 гг.) Сталин практически воссоздал в стране "военный коммунизм", ввел, резко усилил и укрепил командно-административный механизм управления, частью которого стала система всеохватывающего централизованного управления экономикой. Однако в отличие от "военного коммунизма" 1918—1921 гг. "военный коммунизм" периода индустриализации был тщательно подготовлен сознательным и планомерным отходом от нэпа, проведением острых дискуссий политиков и экономистов разных направлений.

Сталин преследовал две цели — *славу* и *власть*, и с этим он хотел войти в историю. Для *славы* ему нужно было построить новое общество, новую социальную систему, "устраивающую" большинство населения страны и превосходящую все то, что человечество создало до него. Эта система — социализм, или "светлое будущее для всего человечества", как тогда говорили большевики. Для *власти* им была создана командно-административная, или планово-распределительная, система в духе древних восточных цивилизаций в рамках азиатского способа производства с грандиозным партийно-хозяйственным аппаратом, действующим по армейскому принципу единоначалия.

Владение так называемой государственной собственностью давало этому аппарату возможность манипулировать огромными ресурсами и миллионами людей прежде всего в его собственных интересах и в интересах мировой революции. Во главе этого аппарата стоял он, Сталин, — Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза, единолично властвовавший над огромной страной и ее народом в таких масштабах, каких ни один русский царь никогда не имел.

В партийно-хозяйственный аппарат специально подбирали людей, вполне надежных с точки зрения идеологической и личной *преданности* и *лояльности*. Сверху и донизу, снизу и доверху Сталин хотел иметь прежде всего "своих людей", лично преданные ему кадры. Была создана четкая и предельно ясная система административной субординации, руководства и подчинения, разработаны иезуитские правила продвижения, поощрения, а также "задвижения" и наказания людей, не говоря уже об арестах, расстрелах в ГУЛАГе, что было самой страшной стороной советского бытия.

Была организована четкая иерархия управленческих инстанций: партийная, планово-хозяйственная и тайная полиция. По партийной линии — Генеральный секретарь Коммунистической партии, Политбюро, Центральный Комитет, республиканские, областные и районные партийные комитеты (все они занимались также управлением экономикой, дублируя органы хозяйственного управления). По хозяйственной линии — Совмин с его нижестоящей структурой — наркоматами (министерствами) и предприятиями, Госплан СССР. По линии тайной полиции — НКВД, позднее — КГБ. Все они беспрекословно выполняли директивы и проводили в жизнь интересы всевластного хозяина страны. Главным орудием строительства нового общества была партия, организованная централистски, с жесткой дисциплиной, по словам Сталина, *орден меченосцев*.

Комитет госбезопасности (КГБ) имел свои ячейки или своих представителей во всех иных управленческих иерархиях, во всех без исключения субъектах общественной жизни страны, включая студенческие аудитории, с целью тотальной слежки за людьми. Как и в случаях электрификации, коллективизации или химизации "всей страны", для СССР была характерна ее сплошная "кагэбэзация". Такой аппарат сложился не сразу. Сталин задумал его давно и шел к реализации своей идеи постепенно и грамотно. Еще в 1927 г. он уже не скрывал, к какому типу правления готовит страну и какой аппарат ему для этого нужен. Он говорил: "В составе нашей партии, если иметь в виду ее руководящие слои, имеется около 3—4 тысяч высших руководителей. Это, я бы сказал, генералитет нашей партии. Далее идут 30—40 тысяч средних руководителей. Это наше партийное офицерство. Дальше идут около 100—150 тысяч низ-

шего партийного командного состава. Это, так сказать, наше партийное унтер-офицерство"¹.

За время правления Сталина стала сокращаться доля интеллигенции в системе управления и политики, в том числе в области культуры, науки, искусства. Определяющие места занимали люди, чей интеллект и культура были в последнем ряду качеств, необходимых руководителю. Уже в 1925 г. среди членов партии насчитывалось около 30 тыс. полностью неграмотных, которые не могли ни читать, ни писать. Делегаты XVI съезда партии (1930 г.) имели в основном лишь начальное или неполное среднее образование. Партия превращалась в послушное орудие руководящей хунты, личной власти.

Сверхцентрализация исполнительной власти и господство государственной идеологии подавляли представительную и судебную ветви власти, что сделало их марионеточными. Право и правосудие оказались парализованными, демократические институты не получали развития, а само понятие гражданского общества было объявлено буржуазным и враждебным народу домyslom. Отход от принудительной идеологии грозил террором, широкое развитие получила цензура. Но главное — сознание людей с детства отравлялось ложью и пропитывалось идеями верности идеологии, партии и советскому строю. Оглетая массовая пропаганда успешно велась в школе, в семье, в вузах и на производстве.

Когда сейчас мы с горечью говорим о криминализации нашего общества, не следует забывать, что этому предшествовало господство по сути криминальной организации — аппарата партии, хозяйственников и КГБ, чье господство знаменовалось не только политическими репрессиями, но и крайней бесхозяйственностью, своекорыстием. Правда, формально слово "криминальная" в последнем случае можно оспорить. Ведь почти все делалось в соответствии с законами и правилами, актами, призванными легализовать преступный "правопорядок".

Таким образом, по существу, бюрократический аппарат был управленческой структурой одной *криминальной организации* — "реального социализма", органом одного всемогущего правителя-диктатора, своего рода крестного отца всей страны. Пра-

1 Цит. по: Огонек. 1989. № 1. С. 14.

вила игры были суровы: все люди делились на тех, кто руководит ("начальник"), и на тех, кто им подчиняется ("подчиненные"). При этом подчиненные одному часто были руководителями другого и вели себя в этих двух разных ситуациях принципиально по-разному: подхалимничали и соглашались в одном случае и диктовали и властвовали в другом. Равные партнерские отношения были скорее исключением, чем правилом.

Управленческая номенклатура получила невиданные привилегии. Это и шикарные квартиры, дачи, машины с шофером, лучшие медицинские учреждения, санатории, поездки за границу, спецпайки и т. д. И все бесплатно, за счет госбюджета, т. е. налогоплательщиков. Ничего подобного на Западе не было и быть не могло.

Партийно-хозяйственный аппарат стал главной опорой политического руководства и правителя-диктатора, общественно-политическим классом. По существу, вся страна оказалась превращенной в один большой ГУЛАГ. Государство вновь стало напрямую и во всех деталях руководить экономикой, централизованное планирование приобретало все большую жесткость и директивность, хозяйственные и властно-политические отношения слились воедино. Вместо служения Отечеству проповедовалось служение вождю и режиму. Первенство вождя и режима над Отечеством постепенно превратило государство, всю огромную страну в вотчину одного человека и его номенклатуры. Безоглядная и фанатичная личная преданность хозяину (большому и малому) ценилась больше всего. А хозяева постепенно превращались в коррумпированных деспотов. Руководство общественных организаций на предприятиях и в учреждениях выполняло функции послушного помощника директора-единоначальника. Все это принципы мафии, преступного социального порядка. Вместо светлого храма строили тюрьмы, бараки, казармы. Характерная черта правящей верхушки состояла в том, что она принимала решения, руководила и управляла, но ни за что не отвечала.

Наука, чтобы выжить, должна была послушно служить руководству страны и даже лично верховному ее правителю, который любил приближать к себе тех или иных ученых. Примером такого приближения являлся биолог академик

Т. Лысенко, который по воле Сталина внедрял "марксизм" в биологию, противопоставлял "истинную советскую генетику" буржуазной. Многие советские экономисты с энтузиазмом обосновывали "преимущества" социализма, "мудрость" вождя всех времен и народов, выстраивали искусственную систему доказательств эффективности планового хозяйства и госсобственности в противовес рыночной экономике. Обосновывались "сознательное применение экономических законов социализма", построение нового общества и его хозяйственного механизма "на единственно научной основе" и т. д. Марксизм-ленинизм был объявлен истинной наукой, наукой всех наук, а коммунизм — наивысшим благом для всего человечества.

Без учета мнения вождя, интересов правящей номенклатуры ни один обществовед не мог и рта раскрыть. Ценились и поощрялись лишь такие специалисты, которые придерживались ортодоксальных или *официальных взглядов*. Номенклатура не была заинтересована в том, чтобы кто-то вскрывал суть нового общества и его экономики, спорил с официальной точкой зрения или выражал критические взгляды и оценки. Задача ставилась примитивно просто и прямо: подтверждать значимость партийных решений, развивать и пропагандировать их, осуждать тех, кто думал иначе.

Честных ученых либо арестовывали и ссылали в ГУЛАГ (Н. Кондратьев, А. Чаянов, А. Вайнштейн, М. Кубанин, Я. Кваша, В. Красовский и др.), либо они вынуждены были сменить темы исследований и заняться чем-то менее острым и современным, например старой историей. А ведущие "партийные" экономисты и официальные чиновники из правительственных ведомств радостно провозглашали, что переход к социализму — первой фазе коммунизма — уже вскоре будет успешно завершен, деньги будут благополучно ликвидированы, торговля окончательно перейдет на бартерный обмен, а главные страны капитализма вот-вот останутся позади по всем социально-экономическим параметрам.

Многие советские экономисты с энтузиазмом провозглашали, что мы самые лучшие, передовые и прогрессивные, что социализм — самый передовой общественный строй, а советская экономика — самая эффективная в мире. Однако становилось все более очевидным, что в зависимости от текущих

партийных решений одни и те же люди вчера утверждали одно, сегодня — другое, а на завтра говорили что-то третье.

Безразличность и карьеризм стали обычным делом не только в партийно-хозяйственной, но и в научной среде, где расширялись и закреплялись слепой догматизм и консерватизм мышления, лояльность к режиму.

Советская экономическая наука оказалась бессильной попытать подлинную природу экономики и общества СССР, реальные механизмы их развития, чрезмерную заидеологизированность экономической политики и общественного сознания, она во многом утратила способность к критике, не отличала ложь от правды, вступила на путь конформизма и раболепного одобрения и "обоснования" любых решений, спускаемых "сверху". Экономическая наука, пришедшая из прошлого в наши перестроечные и трансформационные дни, оказалась неспособной понять суть нынешнего перехода к рынку, считая его не революционным шагом вперед, а чуть ли не дорогой в никуда и призывала к частичному возврату в прошлое, к восстановлению элементов старой, советской экономической модели.

Многие считали, что новое общество, которое создавалось в СССР, должно быть идеальным с точки зрения как эффективности производства, так и уровня народного благосостояния. Темпы роста производства искусственно форсировались для доказательства "преимуществ" нового общественного строя. Выступая на январском (1933 г.) Пленуме ЦК ВКП(б), И. Сталин говорил: "Осуществляя пятилетку и организуя победу в области промышленного строительства, партия проводила политику наиболее ускоренных темпов развития промышленности. Партия как бы подхлестывала страну, ускоряя ее бег вперед"¹.

Другой партийный "вождь", М. Калинин, обратился к своим слушателям со словами: "Вы должны толкать и возбуждать промышленность, как дрожжи, как микроб-возбудитель"².

Темпы роста производства, основанные на официальных данных, казались тогда очень высокими, свидетельствовавшими о явном успехе нового общественного строя. (Так они и воспринимались в мире, особенно на фоне глубокого эконо-

1 Сталин И. Вопросы ленинизма. М., 1952. С. 411.

2 Цит. по: Иоффе Я. Об основной экономической задаче СССР. М., 1941. С. 21.

мического кризиса 1929—1933 гг. на Западе.) По этим данным, например, национальный доход страны с 1928 по 1940 г. возрос почти в 4,5 раза; капитальные вложения — в 6,7; промышленное производство — в 5,8 раза. Однако в действительности *темпы были намного ниже.*

Более того, первый пятилетний план, о котором говорилось, что он был выполнен за 4 года и 3 месяца и в котором содержались совершенно волонтаристские задания, на деле вообще не был выполнен. По свидетельству О. Лациса, ни один натуральный показатель в заданный срок не был достигнут. В 1932 г. вместо намеченной выплавки чугуна 17 млн т на деле было выплавлено 6,2 млн т, а запланированный уровень был достигнут лишь в 1950 г.

Запланированный на 1932 г. уровень производства угля и тракторов был достигнут лишь в 1933 г., нефти и железной руды — в 1934 г., электроэнергии, стали, проката и автомобилей — в 1935 г., бумаги и картона — в 1936 г., хлопчатобумажных тканей и сахарного песка — в 1951 г., шерстяных тканей — в 1956 г. В целом по тяжелой промышленности задания первой пятилетки на 1932 г. были достигнуты в середине второй, а по товарам народного потребления — лишь в пятой и шестой пятилетках.

Таковыми были *плановый напор* и *энтузиазм лжи* в годы сталинской индустриализации. Страна продолжала играть роль исторического испытательного полигона для коммунистической практики тоталитаристскими методами.

Другой характерной чертой рассматриваемого периода является *метод террора*, прямого насилия, сохранявшийся потом многие десятилетия. Впервые такой подход был широко применен в годы "военного коммунизма", затем отменен, а в период индустриализации он стал имманентно присущим созданному командному экономическому механизму. Миллионы людей, движимые не нормальной экономической мотивацией, а идеологическим и партийным давлением, планом и страхом перед нарушением строгих дисциплинарных норм и правил, вершили чудеса в строительстве новых заводов и целых городов.

Вот как об этом пишет известный английский историк и писатель Р. Конквест: "С одной стороны, личные побуждения

Сталина были основной пружиной террора; с другой — его способность скрывать свою истинную природу была той скалой, о которую разбилось сопротивление террору в партии и вне ее... Вопреки всем идеям Маркса в Советском Союзе сталинской эпохи создалось положение, при котором экономические и общественные силы не определяли метода правления. Наоборот, центральным фактором были личные соображения правителя, которые выливались в действия, часто противоречившие естественным тенденциям этих сил. Идеалистическая концепция истории в этом смысле оказывалась неожиданно справедливой. Ибо Сталин создал механизм, способный справляться с общественными силами и побеждать их. Общество было перестроено по его формулам. Оно не сумело перестроить самого вождя"¹.

Индустриализация, проведенная Сталиным, была направлена на всемерное развитие тяжелой промышленности, строительство гигантских заводов, которые не поддаются перестройке, переориентации на меняющиеся спросовые или рыночные мотивы, а способны лишь "клепать" из года в год одну и ту же продукцию в соответствии с плановыми заданиями. Основным законом такого производства, как уже отмечалось, была максимизация темпов роста на базе максимизации потребления всех видов ресурсов: труда, капитала, сырья, основных фондов, земли. Марксисты были уверены, что все крупное лучше и эффективнее малого. Да и для плановых и управленческих ведомств крупные объекты было легче и удобнее контролировать.

В довоенный период создавался так называемый *экономический динозавр* невероятных размеров, который все расширялся и тяжелел. Одновременно происходило интенсивное наращивание всеохватывающей власти партии и государства как самодовлеющего монстра, возвышающегося над всем обществом и над каждым отдельным человеком. Осуществилась давняя идея Ленина о превращении экономики в единую фабрику, в которой отдельные ее цехи и участки — это целые отрасли народного хозяйства и предприятия, работающие по единому

1 Конквест Р. Большой террор // Нева. 1989. № 10. С. 115.

плану. А людей здесь нет, зато есть массы трудящихся. Человек окончательно превратился в послушный винтик гигантской экономической и политической машины. Народ на практике реализовывал главные принципы азиатского способа производства, послушно одобряя все, что от него требовали его вожди. Тоталитарная система, казалось бы, прочно встала на ноги. Но отход от демократии со временем привел ее к развалу. Не имея внутренней мотивационной системы, динозавр в конечном счете рухнул под собственной тяжестью и неэффективностью.

В 1928—1932 гг. в процессе индустриализации страны главный упор делался на машиностроение и производство электроэнергии; в 1933—1937 гг. — на техническую реконструкцию производственного аппарата и создание ВПК. Именно в этот период резко увеличилось число планируемых показателей в натуральном выражении. В 1938—1941 гг. особая забота проявлялась опять-таки о ВПК. Но к этому была добавлена задача "догнать и перегнать" развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения, получившая название **основной экономической задачи СССР**.

Большое внимание уделялось территориальному аспекту развития советской экономики и дальнейшему усилению жесткости и директивности в планировании. В невиданных масштабах развернулось строительство промышленных объектов на Востоке страны, таких, как Урало-Кузнецкий угольно-металлургический комбинат, Карагандинский и Черемховский угольные бассейны, "второе Баку" между Волгой и Уралом, и многих других. Советская индустриализация носила чрезвычайный и мобилизационный характер, темпы роста промышленности, конечно, были высокими. Государство всемерно стимулировало эти темпы, создавая благоприятные условия для ускоренной индустриализации бесплатным финансированием капиталовложений и поддержанием цен на средства производства на чрезвычайно низком уровне.

Большинство населения страны ничего не знало о ГУЛАГе и массовых арестах, а если и знало, то было убеждено, что речь шла об отдельных **врагах народа**, которые мешали строить "светлое будущее". В городах царила обстановка трудового энтузиазма. Уровень жизни с середины 30-х годов стал заметно повышаться, и карточная система наконец была отменена.

Определенную роль в экономике страны в период 30-х годов стал играть научно-технический прогресс. Он поощрялся как изнутри — методами планирования, так и извне — при помощи импорта современной техники и технологии. В годы первой пятилетки для стимулирования нововведений в промышленности создавались отраслевые НИИ. Их число увеличилось с 30 в 1928 г. до 205 в 1931 г., а расходы на промышленные исследования только за 1930 — 1932 гг. утроились. Впоследствии число НИИ по отраслям то увеличивалось, то уменьшалось, но во второй половине 30-х годов явно был сделан крен на создание военных НИИ и КБ.

В 30-х годах часто высказывалось мнение, что СССР все может сделать сам, что все свое и лучше, и дешевле, чем привозное. Однако на деле импорт играл большую роль, это особенно относилось к западной технике, технологии и техническому опыту. Так, в 1932 г. за счет импорта на заводах страны было установлено 80% новых машин и оборудования. На импортную технику пришлось почти 15% капвложений за все годы первой пятилетки. Число концессий за период с 1927 по 1932 г. сократилось с 68 до 24, однако число контрактов о технической помощи возросло с 30 в 1928 г. до 124 в 1931 г. Численность иностранных специалистов, работающих в промышленности и строительстве, увеличилась с 1 тыс. в 1930 г. до 9 тыс. в 1932 г. Поездки за границу советских специалистов за приобретением технического, производственного и управленческого опыта стали обычным явлением. Достаточно масштабно закупалась иностранная техническая литература.

На 30-е годы приходится и становление важнейших отраслей советской тяжелой промышленности, в частности черной металлургии, самолетостроения, тракторной промышленности и др. Параллельно развивался процесс образования населения. Были созданы многие вузы, в том числе крупнейшие университеты и политехникумы. Ведь совершенно очевидно, что развитие промышленности без адекватно подготовленной рабочей силы невозможно.

В январе 1930 г. в СССР была проведена **кредитная реформа**. Создан мощный государственный **монобанк** — единый расчетный, кредитный и эмиссионный центр, а также подчиненные ему отраслевые банки. Все хозяйственные связи между

предприятиями стали осуществляться по безналичному расчету. Коммерческое кредитование предприятий заменили прямым банковским кредитованием всего народного хозяйства. Был введен налог с оборота, ставший вскоре основным источником дохода государственного бюджета. Появились принудительные займы, стала расти коррупция среди советских чиновников постоянно разбухающего управленческого аппарата.

Особый случай в этом социалистическом угаре представляло сельское хозяйство. Отрасль, насчитывающая 25 млн крестьянских хозяйств, никак не вписывалась в иерархию командно-распределительной модели, в концепцию единой фабрики, поэтому подверглась насильственной трансформации в колхозно-совхозную систему, точнее, в систему аграрных фабрик, которыми уже можно было управлять и которые в соответствии с плановым заданием должны были гарантированно отдавать значительную часть своей продукции государству. По существу речь шла о возрождении продразверстки. В этом и состояла суть насильственной сталинской коллективизации.

О характере возникших экономических отношений вокруг созданных аграрных фабрик много лет спустя хорошо напишет российский экономист Г. Лисичкин: «Такие категории товарного производства, как деньги, цена, торговля, кредит, спрос и предложение, на экономику совхозов не оказывают сейчас существенного влияния, хотя внешне, формально все это сохранено... Совхоз ничего не покупает и не продает... В совхозах не принято говорить: "продал зерно, мясо". "Сдал" — вот слово, которое точно отражает характер отчуждения совхозной продукции. Даже цены здесь называются не "продажными" или "закупочными", а "сдаточными"»¹.

Все, что говорится в этой цитате о совхозах, в полной мере относится и к колхозам, которые в скором времени, так же как и совхозы, почти сплошь стали убыточными, а социалистическое сельское хозяйство стало жить за счет промышленности.

Коллективизация была неразрывно связана с **политикой раскулачивания**, уничтожения зажиточной, наиболее производительной и эффективной части крестьянства — кулачества. Были изгнаны со своей земли и отправлены в ГУЛАГ и на поселение миллионы людей.

1 Лисичкин Г. Тернистый путь к изобилию. М., 1994. С. 27.

Крестьянство дало отпор насильственной коллективизации, ведущей к его уничтожению, стало резать скот, возникли волнения и беспорядки. В ответ на это Сталин организовал в 1932—1933 гг. голод, приказав насильственно отобрать продукты питания. Эта акция, имевшая целью уничтожение крестьянства как класса и принуждение к вступлению в колхозы, привела к голодной смерти почти 10 млн человек. Советская историография долго скрывала эти факты, хотя западные советологи знали о них довольно давно.

Урожаи 1931 и 1932 гг. были немногим ниже многолетних средних урожаев, и угрозы голода не было. Голод пришел в результате принудительных изъятий "под метелку" у крестьян зерна (даже семенного фонда!) во имя выполнения волюнтаристских планов индустриализации. При этом нарастал экспорт зерна. В 1930 г. было собрано 83,5 млн т зерна, а экспорт составил почти 5 млн т. В 1931 г. сбор зерновых сократился до 70 млн т, а на экспорт пошло 5,2 млн т. В 1932 г. урожай составил те же 70 млн т, в 1933 и 1934 гг. — примерно по 68 млн т. При этом экспорт зерна не прекращался.

К 1937 г. коллективизация была завершена. В стране появилось 243,7 тыс. колхозов, объединивших 93% крестьянских хозяйств. И если до коллективизации заготавливалось в среднем ежегодно 10 млн т зерна, то в годы коллективизации — по 22—25 млн т при спаде сбора зерновых.

Сталинская пропаганда вещала на весь мир, что в СССР создано самое передовое в мире, механизированное сельское хозяйство. По указанию Сталина в Москве была построена грандиозная выставка достижений сельского хозяйства. На деле же сельское хозяйство страны погрузилось в пучину полной разрухи и стало самой неэффективной отраслью в экономике страны.

В нарушение ранее признанного принципа "землю — крестьянам" большевики согнали крестьян со своей земли, разрушили веками наработанные механизмы и институты, перечеркнули естественное многообразие крестьянской жизни, подвергли ликвидации былую многоукладность в экономике. Перестройка шла по известному ленинскому принципу: одна контора, одна фабрика с равенством труда и его оплаты; все работают по найму у государства без гарантии личных свобод, независимых источников существования, без владельческих прав.

Происходившее в СССР в 30-х годах, когда государство в приказном порядке проводило индустриализацию и коллективизацию и создавало социалистическую нетоварную модель экономики с присущим ей плановым механизмом, не имеет аналогов в истории.

Партия и государство, используя созданную управленческую иерархию, просто предписывали отраслям, предприятиям и организациям выполнять все их политические решения и плановые задания. Система централизованного планирования и партийной дисциплины усиливалась из года в год. Новые большевики, пришедшие на смену старым большевикам-ленинцам, и построенный ими "реальный социализм" действительно встряхнули и пробудили огромную страну с ее традиционным укладом. Партия всегда требовала как полного напряжения волевых усилий, так и ресурсного обеспечения производства. И хотя до сих пор такие методы работы кому-то представляются великим свершением, на самом деле то был период становления тоталитарного общества, преступной, казарменной, неправовой, недемократической политической системы, неэффективной экономической модели. Строительство нерыночного и недемократического общественного строя в корне подрывало доверие к социалистической идее вообще.

В этот период вожди партии и государства убеждали и себя и народ в том, что в стране уже созданы идеальная экономика и общество. В одном из выступлений М. Калинин говорил: "Мне представляется, что в истории человечества не было более бережливого общества, чем коммунистическое. Да это и естественно: ведь распоряжение средствами, их расходование находится в руках производителей. Я думаю, нет особой нужды доказывать, что производитель более экономен в расходовании, чем эксплуататор или захватчик чужого добра"¹.

Партийная демагогия и так называемый классовый подход шли рука об руку по пути укрепления новых хозяев страны. В 30-х годах особенно явно обозначился процесс **социализации** советской экономики, искусственного вымывания всех традиционных, несоциалистических форм хозяйствования и собственности. Проводилась сознательная атака не только на

1 Калинин М. Избранные произведения. М., 1975. С. 291.

капитализм, на мелкое предпринимательство и остатки нэпа, но и на товарно-денежные, рыночные отношения в обществе и экономике.

Критерием успеха в экономическом строительстве считался рост доли рабочих и колхозников в общей численности населения и занятых в хозяйстве, рост государственной собственности в экономике.

Если в 1913 г. индивидуальные крестьяне, некооперированные кустари, торговцы, буржуазия и помещики составляли 83% населения страны, то через 26 лет — менее 3%¹. Зато доля рабочих выросла с 15 до 34% и появился новый класс — колхозники, на который стало приходиться в 1939 г. более 1/3 населения.

В результате индустриализации и коллективизации частный сектор в экономике страны практически был доведен максимум до 1%. Абсолютно господствующее положение занял экономически неэффективный, находящийся под полным партийным и государственным контролем **социалистический сектор**. Вместе с тем, несмотря на якобы сплошную социализацию и построение социализма "окончательно и навсегда", в стране частично действовал и рыночный механизм в виде колхозных рынков, а также теневой, т. е. нелегальной, экономики. Его действие было либо ограничено четкими рамками, либо осуществлялось подпольно. Но именно эти элементы рыночного механизма в будущем оказались в числе факторов крушения советской **казарменной экономики**.

Все отмеченные "успехи" в социалистическом строительстве не предотвратили войну с фашистской Германией, уверенной в слабости Советского Союза. Следующий период в развитии советской экономики связан с *Великой Отечественной войной*, вновь потрясшей весь народ.

Война была драматическим испытанием для страны. Народ выдержал его, но какой ценой? Реальная цена победы оказалась невероятно огромной. Скорее всего, за всю историю человечества ни одна страна мира не знала подобной цены.

¹ Н. Вознесенский писал в 1931 г.: "Сплошная коллективизация вырывает корни капитализма, вырастающего из мелкособственнического товарного хозяйства" (Вознесенский Н. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1979. С. 52).

Накануне войны Сталин, поддавшись провокации немецкой стороны, подверг жестоким репрессиям высший командный состав Красной Армии. Жертвами стали такие крупные военачальники, как М. Тухачевский, И. Якир, В. Блюхер, И. Уборевич, А. Егоров.

В начале войны СССР понес особенно крупные потери. На временно оккупированной фашистской Германией территории СССР до войны проживало 45% населения страны, производилось 63% угля, 58% стали, 60% алюминия, 84% сахара, выращивалось 38% зерна. Враг захватил территорию площадью 4,8 млн км², где производилось 33% промышленной продукции, находилось 47% посевных площадей. В результате военных действий полностью или частично было разрушено 1710 городов и поселков и более 70 тыс. сел и деревень, в которых было сожжено и разрушено свыше 6 млн строений. Кровя лишились почти 25 млн человек. Помимо этого было разрушено 31,8 тыс. промышленных предприятий, 65 тыс. км железнодорожных путей, 4,1 тыс. железнодорожных станций. Разорены и разграблены десятки тысяч колхозов и совхозов. Немцы зарезали или угнали в Германию 7 млн лошадей, 17 млн голов крупного рогатого скота, 20 млн свиней, 27 млн овец и коз.

На СССР пришлось более 40% всего материального ущерба, нанесенного человечеству Второй мировой войной. Страна потеряла в войне 30% своего национального богатства. Общие же потери, включая прямые военные расходы, издержки по эвакуации промышленных предприятий, потери в доходах населения и предприятий в результате прекращения производства, составили 2569 млрд руб. в довоенных ценах (1941 г.). Но особенно тяжелыми были людские потери. Прямые потери населения в годы войны составили 26—27 млн человек, косвенные (из-за падения рождаемости) — 22—23 млн, всего — 48—50 млн человек. На Восток, на расстояние от 3 до 5 тыс. км, было эвакуировано 1360 крупных предприятий, в восточных районах страны построено 2250 крупных предприятий. Все это происходило в условиях смертельного военного противостояния, битвы под Москвой и Ленинградом, приближения фашистских войск к Сталинграду и Кавказу. Ни одна другая воюющая держава не испытывала ничего подобного. Страна постепенно переходила на жесточайший режим военного времени. Летом и осенью

1941г. железные дороги доставили на фронт 291 дивизию, 94 бригады и свыше 2 млн человек маршевых пополнений. В обратном направлении, на Восток, было эвакуировано свыше 18 млн человек. В результате промышленное производство в восточных районах страны за военные годы удвоилось, в том числе на Урале оно возросло в 3,6 раза, в Сибири — в 2,8 раза.

Цена победы была невероятно велика. Так же как и в годы индустриализации, потери во время войны в значительной мере были обусловлены некомпетентностью, самодурством и самовластьем партийного и военного начальства. Не только разгром командного состава Красной Армии перед войной, но и непростительные просчеты до и во время войны также сыграли свою трагическую роль.

Тем не менее во время войны Советский Союз сумел организовать выпуск военной продукции в огромных количествах, как правило превысивших соответствующее производство не только в фашистской Германии, но и в ряде случаев в США. СССР превосходил США по производству танков, гаубиц и автоматов. Столь важные успехи в развитии военной экономики в годы войны были связаны не только с силовым командным перераспределением ресурсов в интересах фронта и победы (всем нам памятен лозунг: "Все для фронта, все для победы!"), но и с предоставлением многим военным заводам определенной самостоятельности в силу резкой перегрузки Центра обязанностями по руководству военными действиями, перестройке и развитию экономики страны в военное время.

В годы войны в стране действовал жесткий Указ "О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время", по которому все отпуска отменялись, вводились обязательные сверхурочные дни при 11-часовом рабочем дне и шестидневной рабочей неделе. Народ принимал все эти чрезвычайные меры как неизбежные. Нападение на Советский Союз стало роковой ошибкой Гитлера. Советская тоталитарная система оказалась более мощной, чем фашистская в Германии, и поражение Гитлера было предопределено.

После войны начался *восстановительный* период. Производство быстро росло, его основной целью в то время было восстановление тяжелой промышленности и железнодорожного транспорта. Как и прежде, о потреблении населения думали

в последнюю очередь. Но главное заключалось в том, что восстанавливались не только прежние народно-хозяйственные пропорции и приоритеты в экономической политике, но и прежние подходы к методам и режимам функционирования экономики страны. Таков был естественный в каком-то смысле результат менталитета, сложившегося у победителей. Нечто подобное имело место и в США, испытавших радость победы над врагом. Лишь потом стало ясно, что страны, потерпевшие поражение в войне (Германия и Япония), думали о более глубоких преобразованиях в экономике и обществе: война заставила их многое пересмотреть.

Централизованное планирование и государственное управление в СССР после войны были усилены, число планируемых показателей, например в строительстве, увеличилось в 3 раза по сравнению с 1940 г.

По мере роста производства повышался и жизненный уровень населения, который во время войны был доведен до крайних пределов (ни одна воюющая страна не довела долю потребления в своем национальном доходе до такого низкого уровня, как это сделал СССР). Была ликвидирована карточная система, введенная во время войны. Сталинский режим, несмотря на робкие надежды многих советских людей, не только укрепился, но и приобрел ауру победителя, спасителя и освободителя Европы и т. д., в связи с чем на конференции в Ялте весной 1945 г. Запад пошел на серьезные уступки Советскому Союзу, отдав ему по существу всю Центральную и Восточную Европу.

За все годы советской власти вхождение в орбиту СССР так называемых стран народной демократии, или создание "мировой социалистической системы", стало *главным завоеванием социализма и прежде всего сталинского режима*. Геополитически СССР приобрел огромные козыри, его международный авторитет был велик, как никогда. Однако внутренние потенции командно-распределительной экономики и тоталитарного общества оказались весьма ограниченными. Пока властвовал диктатор, все склонялись перед ним, даже Запад. Но после смерти Сталина обнаружились первые признаки **либерализации**. Политические права союзных республик и местных органов власти стали расширяться. Некоторые обязательные плановые показатели были переданы из Центра на республиканский уро-

вень. Но по-прежнему главной целью планирования и экономической политики оставалась тяжелая промышленность, особенно машиностроение. Этот акцент в развитии экономики явно прослеживается на протяжении всего советского послевоенного периода, включая и годы горбачевской перестройки.

Развитие НТП потребовало изменения отношения к машиностроительной продукции и машиностроению вообще, которое все более усложнялось, становилось все более зависимым от науки. Однако сталинский экономический механизм по существу отвергал, не воспринимал нововведения. Он хорошо работал лишь в условиях простой спланированной программы, понятного патристического и идеологического прессинга, т. е. не был способен на органический НТП. Известный советский экономист П. Бунич писал в 1987 г.: «В противовес известной апатии к научно-техническому прогрессу со стороны предприятий государство устанавливает или специальные показатели по выпуску и применению новой техники, или вводит целевые премии за выполнение научно-технических заданий и программ. Под таким "нажимом" технический прогресс внедряется в основном "сверху", что отражается в самом термине "внедрение", означающем преодоление сопротивления среды»¹. Новаторам, изобретателям, рационализаторам всегда было неуютно в Советском Союзе.

В послевоенный период стали разрабатываться планы внедрения новой техники, был создан Государственный комитет по науке и технике, призванный разрабатывать научно-техническую политику. Послесталинское руководство пыталось административным путем решить в стране также проблему соединения производства с постоянным научно-техническим прогрессом, но добивалось лишь весьма слабых результатов, если не считать особого сектора советской экономики — **военно-промышленного комплекса (ВПК)**. Нерыночная экономика без механизма конкуренции производителей за потребителя и потребителей за производителя не могла конкурировать с развитой рыночной экономикой стран Запада. Поэтому к концу 60-х годов вместо традиционного лозунга "догнать и перегнать" США в экономическом отношении стали появляться призывы к экономическим реформам.

1 Ускорение. М., 1987. С. 129.

В новых условиях (1965—1985 гг.), когда жесткий сталинский режим ослаб, ГУЛАГ прекратил свое существование, а военная дисциплина на предприятиях явно расшаталась, стали проявляться и все более давать о себе знать старые и новые *черные дыры* советской экономики, требующие новых огромных ресурсов.

К старым "черным дырам" советской экономики традиционно относились сельское хозяйство, мировая социалистическая система и добывающая промышленность.

Неэффективность советского сельского хозяйства, не способного прокормить собственную страну, давно уже стала притчей во языцех. В эту отрасль направлялись огромные финансовые, материальные и людские ресурсы. Однако отдача от них была крайне низкой, положение дел в отрасли явно сдерживало экономический рост СССР. Страны мировой социалистической системы для поддержки своих коммунистических режимов и неэффективной экономики требовали постоянно помощи со стороны СССР. Помощь предоставлялась в виде заниженных цен на сырье, импортируемое из СССР, прямой безвозмездной передачи научно-технических проектов, строительства новых предприятий и т. д. По мере ухудшения экономической и политической ситуации в этих странах их аппетиты на помощь со стороны "старшего брата" все нарастали. По оценке западных советологов, в 1954—1987 гг. помощь СССР другим социалистическим странам составила почти 144 млрд долл. Самый высокий ее уровень пришелся на 1981 г. (свыше 20 млрд долл.), самый низкий — на 1985 г. (свыше 8 млрд долл.).

Советский Союз имел большую и постоянно растущую долю добывающей промышленности в структуре своего промышленного производства. По мере истощения природных ресурсов, ухудшения условий добычи полезных ископаемых и перехода к более труднодоступным районам их залегания требовалось все больше капитальных вложений в эту отрасль, падала ее эффективность. В конце концов на долю добывающей промышленности стало приходиться около третьей части всех инвестиций, направляемых в промышленность. К тому же Советский Союз все больше превращался в сырьевую базу для всей "социалистической системы мирового хозяйства".

Перед лицом начавшегося в 70-х годах перехода промышленности стран Запада на энерго- и ресурсосберегающие технологии Советский Союз оказался банкротом. Он не смог разработать собственные технологии и, как обычно, компенсировал снижающуюся эффективность в производстве и потреблении сырья наращиванием объемов производства и экспорта. Особенно показателен в этом отношении экспорт в капиталистические страны нефти и газа. Один лишь экспорт нефти дал Советскому Союзу не менее 200 млрд долл. Однако до сих пор никто не знает, куда пошли эти ресурсы. Они были "съедены" растущей неэффективностью советской экономики.

В 80-х годах к старым "черным дырам" советской экономики добавились новые. Это прежде всего ввод наших войск в Афганистан, потребовавший перераспределения ресурсов с программ мирного экономического развития на программы грязной и ненужной стране войны. При этом СССР вновь оказался банкротом в ситуации, когда страны НАТО стали переходить на новые поколения обычных вооружений, начиненных электроникой. СССР не сумел добиться каких-либо заметных сдвигов в этой области и по-прежнему наращивал выпуск традиционной военной техники, демонстрируя неспособность к эффективному научно-техническому прогрессу на базе командной экономики. По имеющимся оценкам, в конце 80-х годов СССР тратил на военные цели сумму, вдвое превышающую ВВП России в 1995 г. Но официальная цифра этих расходов занижалась против реальной в 10 раз, ибо 90% военных затрат были скрыты в других статьях бюджета страны. Как пишет известный специалист по военным проблемам П. Фельгенгауэр, "советская армия в восьмидесятые годы вовсе не была такой сильной, как это выглядело на бумаге, когда на Западе и на Востоке сравнивали число танков и стволов артиллерии НАТО и Варшавского договора в Европе. Реальная военная слабость Советского Союза была самым главным секретом Москвы, который западные разведки так и не смогли раскрыть. Наверное, главным образом потому, что западные разведывательные службы просто не хотели ничего об этом знать. Страшный русский медведь сорок лет способствовал единению Запада и помогал западным профессиональным военным и шпионам раздувать оборонные и разведывательные бюджеты"¹.

1 Сегодня. 1995. 18 авг.

Кроме того, Советский Союз в начале 80-х годов разместил свои мощные ракеты СС-20 в социалистических странах Восточной Европы, тем самым спровоцировав новую волну конфронтации между Востоком и Западом. А если к этому добавить начавшееся соревнование с США по проектам "звездных войн", то ясно, насколько велик был реальный масштаб истощения ресурсной базы страны. Приходится учитывать и растущую экономическую помощь СССР развивающимся странам, которые ее требовали все более активно и настойчиво. С 1954 по 1987 г. экономическая помощь развивающимся странам превысила 40 млрд долл. (в среднем по 3 млрд долл. в год), а военная помощь (включая помощь Кубе) составила 125 млрд долл. (в среднем по 18 млрд долл. в год). А ведь эти средства могли пойти на народное благосостояние. Однако интересы военного противостояния Западу и подпитки национально-освободительного движения в развивающихся странах с надеждой на революционные перевороты в них явно преобладали.

И тем не менее, несмотря на известные декларации Н. Хрущева о построении коммунизма в СССР к 1980 г., Советский Союз к началу этого периода оставался *развивающейся страной* с уродливой структурой экономики и низким жизненным уровнем населения. Советская экономика отличалась высокой долей сельского хозяйства и промышленности (в частности, добывающей) и крайне низкой долей сферы услуг, которая обычно характеризует уровень экономического развития. В структуре национального дохода страны, как мы видели, была низка доля личного потребления и чрезмерно высока доля накопления, высокой была также доля тяжелой и военной промышленности. Вся произведенная в стране продукция распределялась в соответствии с планом материально-технического снабжения по предприятиям, организациям и среди населения. Реального выбора не было, а деньги играли лишь расчетную роль.

В годы горбачевской перестройки темпы экономического роста СССР продолжали замедляться, резко ухудшалось финансовое положение в стране, возросли инфляция и бюджетный дефицит. Не случайно со второй половины 80-х годов угрожающе стал расти внешний долг страны. К концу существования СССР он составил свыше 100 млрд долл. Во весь рост встала проблема обслуживания этого долга.

Положение с продовольствием также ухудшалось. Гигантские масштабы импорта продовольствия стали нормой для страны, располагающей огромными сельскохозяйственными ресурсами и возможностями, реальным признаком неизбежного краха советской экономики. Согласно официальным данным, импорт зерна в 1980 г. составил 27,8 млн т, а в 1985 г. он достиг 44,2 млн т.

Эти факты являются прямым и естественным результатом создания тоталитарной модели общества, командно-распределительного экономического механизма, централизованной плановой системы, давно заболевшей неизлечимой болезнью.

Реальное бытие "реального социализма" особенно отчетливо проявилось в годы правления Л. Брежнева. Экономика уже не работала, проблемы не решались, бесхозяйственность и коррупция правящего класса расцветали пышным цветом. Атмосфера безответственности и вседозволенности, самовосхваления и торжества посредственности стала обычной чертой "социалистического образа жизни".

Парадокс заключается в том, что развитие производительных сил, которое марксизмом рассматривалось как мотор общественного и экономического прогресса, на деле привело к формированию тоталитарной экономической модели без конкуренции и рынка, без мотивации к труду и НТП. Эта модель могла работать лишь при крайне неэффективном использовании и перенакоплении всех ресурсов. Лень и имитация работы во многих случаях стали нормой советской трудовой "этики", а производительный, эффективный и честный труд проявлялся все реже и реже.

На базе несрабатываемости экономической модели "реального социализма", замедления темпов экономического роста и нарастания трудностей в социальной и экономической жизни общества вызревал необратимый процесс широкого социального напряжения, недовольства значительной части людей условиями труда и жизни.

Брежневский **застойный период** обнажил всю бесплодность и бесперспективность созданной Сталиным экономической модели. Возникшая в годы перестройки гласность и более продвинутые попытки экономических реформ полностью доконали эту модель и связанную с ней политическую структуру тоталитарного общества. "Реальный социализм" прекратил свое существование.

Самый главный вывод из сказанного заключается не только в том, что Сталин создал неэффективную и в долгосрочном плане совершенно бесперспективную экономическую модель, но и в том, что последующее руководство страны проявило *абсолютное нежелание ее отменить* или хотя бы радикально усовершенствовать (по примеру Венгрии или Китая).

Со временем становилось все более ясно, что экономика страны не только замедляет свой ход, что она превращается в экономику абсурда, не отвечающую интересам людей, что колхозно-совхозный строй давно и окончательно себя изжил и накормить народ он никогда не сможет. Однако стареющие коммунистические лидеры не хотели подвергать опасности свое всевластие и что-либо менять в интересах своего народа. Вместо того чтобы решать накопившиеся проблемы, они занимались самовосхвалением и пропагандой якобы достигнутых грандиозных успехов. В 80-х годах, когда дела уже давно шли под откос, они говорили о величайших преимуществах социализма, "о развитии" социализме, гигантском росте материальных богатств, устойчивых темпах экономического роста, научной аграрной политике и проч.

"Реальный социализм", построенный в СССР, полностью отрицал частную собственность, предпринимательство, рыночные отношения, конкуренцию, разномыслие и демократию. Его опорой была общественная (т. е. государственная) собственность на средства производства, единый и обязательный для всех план производства и распределения продукции, однопартийная система, одна идеология, единомыслие и принуждение. Такое общество могло быть создано лишь в результате классовой борьбы против капитализма и воплощения на деле великой утопии социализма как якобы бесклассового и безрыночного рая, рационального, справедливого и беспорочного мира на Земле. Поистине дорога в ад оказалась вымощенной благими намерениями, а ее строители поочередно уходили "в расход" по велению верховного диктатора.

А ведь об этом предупреждали лучшие умы человечества. Они прямо говорили о неизбежности краха идеи коммунизма, о неминуемом вхождении в рабство на путях создания нерыночной административной экономики. Лишь в последние годы нам стали известны классические работы австрийских эконо-

мистов Л. Мизеса и Ф. Хайека, труды которых запрещал советский режим, а содержащиеся в них выводы и предупреждения игнорировались как очередная буржуазная неправда и заблуждение.

Книга Л. Мизеса "Социализм: экономический и социологический анализ" вышла на Западе в 1922 г. и с тех пор перетерпела много изданий. В ней автор писал: «Если социалистическое общество снабжает товарищей не тем, чего им хочется, а тем, что выбрал для их радости правитель, сумма удовлетворения не растет, а уменьшается. Конечно же такое притеснение индивидуальной воли никак нельзя назвать "экономической демократией". Существенное различие между капиталистическим и социалистическим производством в том, что при капитализме человек заботится о себе сам, а при социализме это делают за него другие. Социалисты хотели бы кормить и одевать человечество и предоставлять ему кров. Но человек предпочитает есть, пить, одеваться, жить и искать счастье на собственный манер»¹.

Не менее интересные и прозорливые оценки советскому строю давал лауреат Нобелевской премии Ф. Хайек. В книге "Дорога к рабству" он отмечал: "Чтобы все служили единой системе целей, предусмотренных социальным планом, лучше всего заставить каждого уверовать в эти цели. Для успешной работы тоталитарной машины одного принуждения недостаточно. Важно еще, чтобы люди приняли общие цели как свои собственные. И хотя соответствующие убеждения навязывают им извне, они должны стать внутренними убеждениями, общей верой, благодаря которой каждый индивид сам действует в запланированном направлении... Несложно лишить большинство людей способности самостоятельно мыслить. Но надо еще заставить молчать меньшинство, сохранившее волю к разумной критике... Когда наука поставлена на службу не истине, а интересам класса, общества или государства, ее единственной задачей становится обоснование и распространение представлений, направляющих всю общественную жизнь..."²

1 Мизес Л. Социализм: экономический и социологический анализ. М., 1994. С. 288..

2 Хайек Ф. Дорога к рабству. М., 1992. С. 116—117, 121 — 122.

И еще: "Коммунистические страны, такие, как Россия, голодали бы сейчас, если бы западный мир не поддерживал жизнь их населения, хотя руководители этих стран вряд ли согласятся публично признать, что мы можем обеспечить нынешнее население Земли, включая население коммунистических стран, только при условии бережного отношения к частной собственности и укрепления ее основ..."¹

Еще до Мизеса и Хайека по существу аналогичные взгляды высказывали российские либеральные экономисты и социал-демократы. Один из них, Б. Бруцкус, писал в первые годы советской власти о том, что новый строй не располагает внутренним механизмом для приведения производства в соответствие с общественными потребностями, что социализм не носит творческого характера и ведет страну не к расцвету, а к разложению ее экономики, поскольку нарушает основной хозяйственный принцип соответствия затрат и результатов. При этом самая слабая сторона социалистического хозяйства, по его мнению, заключается в стремлении централизовать все распределительные функции, что неизбежно приводит к бюрократизации и принудительному труду. Он называл социализм "организованным безумием", а большевистское строительство "апогеем бесхозяйственности". "Свобода хозяйственной инициативы имеет ценность для личности, — писал Б. Бруцкус, — но едва ли не большую ценность она имеет для общества"².

Исторический опыт экономического развития СССР полностью подтвердил эти оценки и прогнозы.

Выводы

1. "Реальный социализм", построенный в СССР, был попыткой создания общества, во всем противоположного капитализму. Сознательно рисовался образ процветающей экономики, которая якобы создает все возможности для максимального удовлетворения человеческих потребностей и способна в короткие исторические сроки "догнать и перегнать" Запад во всех отношениях. На деле советская экономика "догнала" Запад лишь по производству оружия.

¹ Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. М., 1992. С. 224.

² См.: Вопросы экономики. 1995. № 7. С. 131.

В большинстве других отраслей производства она сделать этого не могла.

2. Темпы экономического роста СССР на первых порах были высокими и намного опережали темпы роста экономики США и стран Западной Европы. Однако с конца 50-х годов эти темпы стали сокращаться, и практически уже к началу 80-х годов экономический рост в СССР прекратился, затем началось снижение объемов производства.
3. Рост советской экономики носил экстенсивный ресурсозатратный характер, экономика СССР отличалась низкой эффективностью и неконкурентоспособностью по критериям мирового рынка.
4. В экономическом развитии СССР прошел ряд стадий, каждая из которых имела важные особенности: это "военный коммунизм", нэп, индустриализация и коллективизация, война и послевоенный период. В послевоенный период экономика страны проявила всю свою внутреннюю суть, возникла объективная необходимость сначала в ее реформировании и перестройке, а затем и в полной трансформации по пути возврата к рынку.
5. Суть советской экономики лучше всего описывается ее моделью, носящей нерыночный, командно-административный характер.
6. В СССР был создан тоталитарный режим. В процессе "социалистического и коммунистического строительства" безжалостно подавлялись всякое инакомыслие, попытки научного анализа созданной системы и механизма ее функционирования. Повсеместно существовали цензура и негласная слежка. От всех и каждого требовались прежде всего лояльность, послушничество и верность марксистско-ленинской идеологии.

Термины и понятия

Азиатский способ производства

Апологетика

Валовая продукция

Ведущие звенья экономики

"Великий перелом"

Военный коммунизм

"Враг народа"

Высшая рентабельность

Высший совет народного хозяйства (ВСНХ)

Генетики

Госплан

ГУЛАГ

Директивные показатели

"Догнать и перегнать"

Закон преимущественного роста производства средств производства

Закон убывающей продуктивности производства

Застойный период

Индексы

Индустриализация

Казарменная экономика

Коллективизация

Кредитная реформа

Либерализация

Мессианство

Монобанк	Продразверстка
Наркоматы	"Реальный социализм"
Национализация	Совокупный общественный продукт
Новая экономическая политика (нэп)	Социализация
Номенклатура	Социалистический сектор
Норма накопления	Социалистическое соревнование
Общественные фонды потребления	Текучесть кадров
Огосударствление экономики	Телеологи
Основная экономическая задача СССР	Трансформационный процесс
Перестройка	Тресты
План ГОЭЛРО	Тяжелая промышленность
Плановые задания	Экономическая мобилизация
Политика раскулачивания	Экономические законы социализма
Преимущества социалистического строя	Эффективность капиталовложений

Вопросы и задания для самопроверки

1. В чем суть идеи построения социалистического общества в нашей стране и почему она провалилась?
2. Сравните основные черты социализма и капитализма.
3. Охарактеризуйте темпы экономического роста СССР по периодам.
4. Какой была динамика нормы накопления в экономике СССР?
5. Охарактеризуйте состояние материалоемкости производства в СССР.
6. Какова была тенденция в динамике фондоемкости производства в СССР?
7. Дайте характеристику развития отраслевой структуры в экономике СССР.
8. Дайте характеристику экономики в годы "военного коммунизма".
9. Что такое нэп и как функционировала экономика СССР в период нэпа?
10. Какова была цель индустриализации в СССР и как она проходила?
11. Какова была цель коллективизации в СССР и как она осуществлялась?
12. Расскажите об экономических дискуссиях 20-х годов XX в.
13. Как формировалась и развивалась экономическая наука в СССР?
14. Дайте общую характеристику планирования советской экономики.

15. Как осуществлялась насильственная социализация экономики в СССР?
16. Охарактеризуйте состояние экономики в годы Великой Отечественной войны.
17. Как развивалась советская экономика в послевоенные годы?

Литература

- Аганбегян А.* Советская экономика: взгляд в будущее. М., 1988.
- Кудров В.* Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. М., 2003.
- Шмелев Н., Попов В.* На переломе. М., 1989.
- Экономическое планирование в СССР.* М., 1967.